

Из истории науки

УДК 101.1

СУЩНОСТНОЕ ЕДИНСТВО ДУХОВНОГО И ТЕЛЕСНОГО В ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ГАЛЕНА.

Часть II

Д.А. Балалыкин

На примере труда Галена «О зависимости свойств души от темпераментов тела» («*Quod animi mores corporis temperamenta sequantur*») рассмотрены его взгляды на природу души человека, а также на соотношение духовного и телесного в организме. Римский врач размышляет о практическом значении для физического здоровья того или иного душевного свойства. В ходе своего рассуждения Гален отвергает мнение о случайном характере пребывания вечной души в изменчивом теле как влекущее за собой недопустимое разделение духовных и материальных сущностей. Его анализ выстроен на основе принципов рационального знания, и он намеренно ограничивает свои утверждения только эмпирически доказанными фактами. Данное сочинение Галена имеет значение для более глубокого понимания его теоретико-практической системы в целом.

Ключевые слова: история науки, история медицины, античное естествознание, духовное и телесное, субстанциональное единство, Гален

По мнению Галена, темперамент человека может быть определен в категориях температуры и влажности: «Как мы видели, силы души изменяются под воздействием теплого или холодного темперамента (смещения, сочетания ἢ κρύσις), но не претерпевают ли они воздействия от сухого и влажного темперамента?». Это фундаментальное соображение Гален считает доказанным медицинской практикой. Влияние на здоровье климата, образа жизни, гимнастических упражнений известно каждому врачу. Основы представлений о значимости этих факторов были заложены в «Корпусе Гипократа». Гален, по его собственному мнению, развивает эти теоретические основы искусства врачевания. Не случайно, что в сочинении «О зависимости свойств души от темпераментов тела»

он широко цитирует соответствующие рассуждения Гиппократ. Гален делает к ним важное дополнение: по его мнению, в иной системе координат невозможно обоснование лекарственной терапии.

Гален определенно рассматривает сухость как свойство разумной части души, а влажность – как характеристику повышенной активности ее низших частей, условие реализации самых страстных и неразумных побуждений. «Вследствие чего сухость будет причиной сознания настолько, насколько влажность ведет к безумию. Но если влажность приводит к безумию, то тогда крайнее проявление сухости представляет собой высший разум. Сухость, смешанная с влажностью, отнимет у сознания сумму совершенства, пропорциональную количеству влажности, которой она пропитана. Итак, тело какого смертного живого существа лишено влажности, как звезды? Никто и близко к ним не относится. Никакое смертное живое тело не приблизилось бы к высшему сознанию (или к подобному ему), обладая влажностью, а следовательно, неразумностью».

Исходя из такого взгляда на устройство человеческого организма представляются логичными и патофизиологически обоснованными требования диететики. Чрезмерное употребление алкоголя, чрезмерное повышение температуры и влажность, стимулируя активность низшей, «вождеющей» части, расположенной в печени. Пары вина, заполняя все тело и проникая в голову, также оказывают влияние на страстную часть души, приводя ее в беспорядочное состояние, и в результате тормозится контролирующее и охлаждающее темперамент влияние высшей, разумной ее части. Следствием этого становятся неверные решения, неразумная поспешность в словах и делах, погружение в пучину низменных влечений и страстей. «Может ли тогда разумная часть души, имеющая единообразную сущность, изменяться вместе с темпераментами тела и быть смертной? Не очевидно ли, что она является рабыней тела? Конечно, было бы лучше не употреблять здесь слово “рабыня”, но ведь темпераментом тела является только смертная часть души (как уже было им сказано выше, смертная часть души является темпераментом тела). Следовательно, темперамент сердца – это желательная (страстная) часть души. Темперамент печени – часть души, которую Платон назвал сладострастной. Это то, что Аристотель называет растительной душой» (см. приложение). Соответственно, совершенно логичным в этом контексте представляются рассуждения Гиппократ о зависимости темпераментов жителей разных стран от особенностей климата соответствующих местностей.

Отсюда следуют рекомендации по достижению здоровья: собрав все свои силы, человек должен идти по пути воспитания, упражнений и занятия разными искусствами и науками. Только такой путь ведет к добродетели. Однако и он должен выбираться весьма индивидуально – в соответствии с тем, что великий косский врач именует «местным законом». «Гиппократ подразумевает под законом постоянный образ жизни каждой страны. Сюда входит то, что мы называем способами питания, воспитания детей, другими словами, то, что составляет обычаи данной страны» (см. приложение). Дело заключается в том, что особенности климата, приводящие к разнице темпераментов, определяют индивидуальные особенности и таланты. «Здесь Гиппократ совершенно ясно показывает, что не только нравы, но и слабое умение или вовсе отсутствие способностей в искусствах являются следствием грубого темперамента страны» (см. приложение). Большие возможности в отношении коррекции темперамента, а, следовательно, и реализации способностей человека дает диететика. «Что же касается меня, то я ясно осознаю, что каждый вид пищи, попавший в желудок, вначале переваривается, а затем с помощью кровеносных жил поступает в печень, а затем превращается в телесный сок, который питает все части тела, мозг, печень и сердце, что влияет на расположение духа. Получив пищу, части тела становятся более теплыми или холодными, чем в нормальном состоянии, и в зависимости от того или иного состояния влияют на силы души. Если есть те, кто отказывается признавать действенность пищи, делающей людей скромнее или распушенной, сдержанными или несдержанными, отважными или трусливыми, культурными и спокойными или же склонными к препирательству и соперничеству, то пусть они придут ко мне, чтобы узнать, что им лучше есть и пить. Это принесет им огромную пользу в отношении нравственной философии и силы мышления, они станут гораздо мудрее, их память улучшится. Я обучу их на примере использования пищи и питья, а также движения воздушных потоков и окружающих климатических условий, какие страны подобает предпочесть, а какие – избежать» (см. приложение).

Другим важнейшим ресурсом для контроля за темпераментом и для совершенствования человека являются обучение наукам и регулярные физические упражнения, которые Гален, вслед за Платоном, именует «образом жизни». Тогда достигается искомый результат: «Вследствие этого, порочное и разрушительное с помощью обучения приобретает превосходные качества. Иногда Платон подразумевает под пищей не просто средства пропитания, но еще и воспитание детей. Но все-таки мы

не можем сказать, что в приведенном отрывке он рассматривает пищу во втором смысле [как воспитание]. Он обращается не к детям, а к взрослым, которых он призывает избегать зла и с помощью пищи, правильного образа жизни и наук становиться лучше. Платон понимает под образом жизни гимнастику и музыку, из наук – математику, геометрию и арифметику. Под пищей подразумевается не что иное, как полезные продукты, такие как хлеб, простая похлебка и напитки, одним из которых является вино, о чем он часто и говорил во второй книге “Законов”» (см. приложение).

Важнейший вопрос о воздержании как основе добродетели Гален иллюстрирует рассуждениями о необходимости крайней осторожности в употреблении вина, вплоть до полного его исключения для определенных возрастных (молодые люди до 18 лет) и социальных (воины в походе) групп.

Одна из главных мыслей, высказанных Галеном в сочинении «О зависимости свойств души от темпераментов тела», касается неограниченности свободной воли человека в его стремлении к добродетели. Гален равно порицает тех философов, которые отказывают человеку в свободе выбора, и тех, которые снимают с человека необходимость любых ограничений: «В самом деле, те, кто считает, что все люди способны к добродетели, и те, кто полагает, что человек не имеет свободного выбора (тождественным этому является утверждение, что нет никаких природных ограничений [для человека]), – все они видят только половину того, что свойственно человеку. Люди не рождаются врагами, справедливыми или приятными, они становятся такими из-за темперамента тела, который присущ каждому. Справедливо ли будет сказать тогда, что люди вправе хвалить или порицать, ненавидеть или любить, быть плохими или хорошими только благодаря темпераменту, зависящему от совершенно посторонних причин? На этот вопрос я отвечу следующим образом: у нас есть врожденная способность выбирать, находить и любить благо, а также уклоняться от зла, ненавидеть и избегать его, несколько не рассматривая ни то, было ли зло создано или нет, ни то, происходит ли зло от добра или зло есть отсутствие добра. Мы убиваем скорпионов, ядовитых пауков и змей только потому, что они созданы такими по природе, а не появились сами собой» (см. приложение).

Имеющиеся у человека возможности оптимального свободного выбора определяются самим фактом его творения Богом, которого Гален персонифицирует как абсолютное Благо. «Призывая несотворенного, первого и великого Бога, Платон именуется его Благом, и мы всей своей

природой обращены к Нему и любим Его – Бога, существующего в вечности. Не такого Бога, который был создан, а нетварного и вечного» (см. приложение). Этот фрагмент сочинения Галена, по нашему мнению, особенно важен: в нем он ясно говорит, что разделяет учение Платона о Боге-творце. Такое признание имеет для нас огромное значение. Во-первых, учитывая этот текст, невозможно далее говорить о якобы присутствующих Галену агностицизме или стихийном мистицизме. Во-вторых, этот фрагмент замечательно иллюстрирует наши предположения о причинах позитивного восприятия галенизма христианами. По существу, он дает нам основания в полной мере отнести к религиозно-философской системе Галена все похвалы (равно как и определенную критику), высказанные Бл. Августином в адрес Платона. Христиане приняли Галена точно так же, как они приняли Платона, – конечно, с учетом всего того, что писал Немезий Эмесский о Галене как о враче.

По мнению О. Тёмкина, Гален был хорошо известен среди членов раннехристианских общин. «Христиане скорее всего почитали Галена – первого философа в Риме, проявившего к ним уважение и воспевшего их мужество, сдержанность и справедливость, потому что это были те добродетели, которые ценил он сам. Кроме того, можно припомнить религиозные чувства Галена по отношению к Создателю. Возможно, этого хватило бы для того, чтобы некоторые из членов секты стали “почти боготворить Галена”. Но не стоит упускать из виду вероятность того, что они придерживались более распространенной точки зрения, в основе которой могло лежать больше личных и меньше книжных мотивов. Гален утверждал, что он помог многим и никогда не спросил платы ни с одного пациента. Он намекал на одобрение народных масс, и человек и практикующий врач, коим был Гален, вероятно, был “почитаем, как бог” многими людьми, живущими в Риме, в том числе некоторыми христианами» [1].

О. Тёмкин является, без сомнения, одним из крупнейших историков медицины XX в. Более того, его работы, посвященные Галену, оказали существенное влияние на оценку исторического значения фигуры великого римского врача. В своем произведении «Галенизм» О. Тёмкин поднимает вопрос о восприятии трудов Галена раннехристианскими авторами, упоминая Немезия Эмесского как первого из крупных деятелей церкви, определившего свое отношение к Галену: «Епископ Немезий Эмесский, возможно, более молодой современник Григория Нисского и Орибазия, способствовал тому, чтобы Галена стали рассматривать как авторитет в христианской теологии. Поскольку его книги были переска-

заны на латыни в XI веке, они стали влиятельными на Западе даже раньше, чем произошел наплыв арабских переводов Галена. ...Немезий цитировал Галена, “уважаемого врача”, неоднократно: о различных типах души у разных видов животных, о физиологии зрения, о белой горячке, о боли в “горлышке” желудка, а также о женском семени и его соединении с мужским. Эти цитаты были частью использованных им трудов Галена» [2]. В данном случае О. Тёмкин констатирует факт положительного отношения христианского епископа к Галену, который невозможно оспорить. Однако исследователь считает, что такое отношение связано прежде всего с деятельностью Галена как врача. По нашему мнению, это объяснение не является исчерпывающим: галенизм стал господствующей системой очень быстро, и особенно ярко этот процесс выглядит на фоне неразберихи, царившей в медицине в предшествующие четыреста с лишним лет – от Гипократа до Галена. Обстоятельства утверждения галенизма в качестве господствующей теории оказываются еще более интересными, если осознавать тот факт, что система, созданная врачом и философом из Пергама, торжествует, по сути, уже в христианскую эпоху. Мы считаем, что это невозможно объяснить просто симпатией к Галену как знаменитому врачу.

Наша версия, изложенная в ряде предыдущих публикаций, состоит в проведении прямой аналогии между исторической судьбой галенизма и положительным восприятием философии Платона и Аристотеля раннехристианской мыслью (начиная от св. Климента Александрийского) в процессе становления научного богословия на доникейском этапе развития патристики [3]. В этом случае дело вовсе не в качествах Галена как врача, а в его философских и этических взглядах, которые не могли не импонировать христианам. Рассуждения об агностицизме Галена, широко представленные в историографии, как нам кажется, можно считать несостоятельными с учетом текста вводимого нами в научный оборот сочинения «О зависимости свойств души от темпераментов тела». Кроме того, значительная часть комментариев Галена к трудам Платона не сохранилась. Еще не введены в научный оборот те источники, в которых можно встретить дополнительные аргументы против суждения об агностицизме, Галена например сохранившиеся фрагменты комментариев к диалогу «Тимей».

Более того, нам кажется логичным не додумывать то, что Гален не высказал, а внимательно изучить явно им сказанное. Тогда мы видим в работах Галена целостную религиозно-философскую систему, вполне приемлемую для христиан. Он предстает как натурфилософ-рациона-

лист, для которого материальный мир сотворен Богом по определенным законам; в их основе лежит принцип телеологии; они познаваемы человеком; последнее определяется деятельностью разумной части его души, имеющей сверхъестественное происхождение. Отсюда и внимание Галена к некоторым суждениям, высказанным Платоном, в частности к концепции психосоматического единства человека. Высказанные на этот счет в «Тимее» соображения Гален развивает в стройную теорию в работах «Способ распознавания и лечения страстей любой, в том числе и своей собственной, души» и «О распознавании и лечении заблуждений каждой души».

Здесь хотелось бы сделать важную методологическую оговорку: анализируя систему Галена, мы говорим о донаучном периоде развития естествознания, о протонауке. Вместе с тем с учетом этой оговорки, вносящей все необходимые смысловые и понятийные ограничения, в целях удобства изложения мы используем по отношению к галенизму понятия «теоретико-практическая система» и «теория рационального познания». Нам это представляется корректным, в том числе и с учетом того факта, что взгляд на медицину и медицинское образование как специальность, имеющую научную и практическую составляющие, складывается и развивается в VI–XVI вв. – от Александрии до Падуи – именно в рамках галенизма.

Триумф теоретико-практической системы Галена – поистине беспрецедентный факт в истории науки. Г. Фернгрэн считает, что эта система занимает господствующее положение уже к середине III в., и остроумно характеризует оставшихся оппонентов Галена как «постгаленовские секты» [4]. У В. Наттона более осторожная позиция: он указывает на более длительный временной промежуток, в течение которого галенизм становился общепризнанным фундаментом медицины, – до 150 лет с момента смерти Галена [5]. Кроме того, В. Наттон обращает внимание на сильное влияние методистов на территориях Западной Римской империи на протяжении длительного времени (вплоть до V в.). С нашей точки зрения, 50 или 150 лет потребовалось для полного триумфа галенизма – не так важно. Обратим внимание на другие цифры: учение Галена сохраняет господствующее положение как минимум до XVII в. (1500 лет) и не теряет актуальности до начала XIX в.

Произведение Галена «О зависимости свойств души от темпераментов тела» помогает нам глубже понять причины такого развития истории медицины и еще раз взглянуть на историческую судьбу галенизма сквозь призму позитивного восприятия «эллинской мудрости» раннехристианскими авторами. Эта работа великого римского врача дает нам

значительный материал для умозаключений. Рассуждения Галена о природе зла и его влиянии на человека дополнительно расширяют этот контекст. Римский врач не считает зло иллюзией, исчезающей благодаря неким духовным и телесным упражнениям (как полагали стоики). По его мнению, зло вошло в природу человека и прочно укоренилось в этой природе, хотя и отсутствовало в ней изначально. Нетрудно заметить, что подобный взгляд на Бога как высшее Благо и на природу зла как часть реальности, присущей низшим частям души, не мог не импонировать христианам. «Следовательно, пороки рождаются в бессознательной части души, а заблуждения возникают в разуме» (см. приложение). «Но в разумной части души ее сообразительность или глупость зависят от темперамента, который, в свою очередь, зависит от того, что [человек] получает при рождении, а также от соответствующего правильного образа жизни. Эти два обстоятельства дополняют друг друга» (см. приложение).

По мнению Галена, зло оказывает воздействие на человеческую сущность, а его уровень невозможно предугадать: оно может быть следствием уклонения от добродетели или изначально находиться в природе человека. Здесь Гален в качестве иллюстрации снова упоминает маленьких детей, которые независимо от образования или примера, показанного учителями и родителями, могут иметь добрые или злые склонности. Гален не соглашается ни с теми философами, которые утверждают, что все люди по природе порочны, ни с теми, кто считает, что порочны только немногие из людей. Мнение, что в человеческой природе нет никакого зла, а все люди изначально прекрасны, также кажется ему несостоятельным. Для Галена, с его стремлением прибегать к философским методам исключительно в силу необходимости разрешать практические вопросы, является принципиальным подчеркнуть наличие физиологической основы для рассуждений такого рода. По его мнению, вопрос о «добром» или «злом» человеческом поведении следует вывести из плоскости умозрительной философской дискуссии в плоскость сугубо практическую, подтвердив ответ на него соответствующими медицинскими аргументами. Правильным, научно обоснованным фундаментом для анализа этих явлений Гален считает свое учение о зависимости свойств души от темпераментов (температуры и влажности) человеческого тела и образа жизни, стимулирующего их или ограничивающего. «Поэтому горячий темперамент приводит к вспыльчивости, с другой стороны, вспышки гнева, в свою очередь, воспаляют врожденную теплоту. Наоборот, обладающие уравновешенным темпераментом обладают и умеренными силами души и веселым настроением. Так что наше рассуждение согласу-

ется с очевидными вещами, потому что объясняет причины, в соответствии с которыми мы используем все преимущества вина и некоторые лекарства. Наше существование зависит от хорошего образа жизни, помогающего нам или, наоборот, от порочного уклада, наносящего нам вред, а также оно связано с навыками и науками» (см. приложение).

Таким образом, введение в научный оборот сочинения Галена «О зависимости свойств души от темпераментов тела» имеет исключительное значение для воссоздания исторически достоверной картины становления религиозно-философской системы великого врача. Также оно крайне важно для прояснения ключевого момента в исторической судьбе галенизма – для объяснения положительного восприятия письменного наследия Галена раннехристианскими авторами.

Примечания

1. *Temkin O. Galenism: Rise and Decline of a Medical Philosophy.* – Ithaca; New York: Cornell University Press, 1973.
2. *Ibid.*
3. См.: *Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П.* Натурфилософская традиция античного естествознания и Александрийская школа в III веке. Часть I // *Философия науки.* – 2013. – № 2. – С. 157–175; *Они же.* Натурфилософская традиция античного естествознания и Александрийская школа в III веке. Часть II // *Философия науки.* – 2013. – № 3. – С. 128–150; *Они же.* Натурфилософская традиция античного естествознания и Александрийская школа в III веке. Часть III // *Философия науки.* – 2013. – № 4. – С. 132–154.
4. См.: *Ferngren G. Medicine and Health Care in Early Christianity.* – Baltimore, 2002.
5. См.: *Nutton V. Ancient Medicine.* – London; New York: Routledge, 2013.

Приложение

Перевод работы Галена

«О зависимости свойств души от темпераментов тела»¹

ΓΑΛΗΝΟΥ ΟΠΙ ΤΑΙΣ ΤΟΥ ΣΩΜΑΤΟΣ ΚΡΑΣΕΣΙΝ ΑΙ ΤΗΣ ΨΥΧΗΣ ΔΥΝΑΜΕΙΣ ΕΠΟΝΤΑΙ

[VIII] Γράφει τοίνυν αὐτὸς ἐν τῷ βιβλίῳ, καθὼς ὁ περὶ ἀέρων καὶ τόπων καὶ ὑδάτων διδάσκει, πρῶτον μὲν ἐπι ἐκείνων τῶν πόλεων, ὡς ἐστράφηται φησὶ πρὸς ἄρκτους, ὡδί πως αὐτοῖς ὀνόμασι: «

[VIII] В своем сочинении Гиппократ исследует воздух, воды, находящиеся в определенных [географических] местах. Вначале он говорит о городах, расположенных на севере, и сообщает

Τά τε ἦθεα ἀγριώτερα ἢ ἡμερώτερα» καί μετὰ ταῦτα πάλιν ἐπὶ τῶν πρὸς ἀνατολήν ἐστραμμένων ὁδί: «Λαμπρόφωνοι τε οἱ ἄνθρωποι ὀργήν τε καὶ ζύνεσιν βελτίονες τῶν πρὸς βορέην» Ἔπειτα προελθὼν ἐπὶ πλέον περὶ τῶν αὐτῶν ὁδί πως διεξέρχεται: «Τὴν Ἀσίην πλεῖστον διαφέρειν φημί τῆς Εὐρώπης ἐς τὰς φύσας τῶν ζυμπάντων τῶν τε ἐκ <τῆς> γῆς φρομένων καὶ τῶν ἀνθρώπων· πολὺ γὰρ καλλίονα καὶ μείζονα πάντα γίνετα ἐν τῇ Ἀσίῃ· ἢ τε χῶρην τῆς χῶρης ἡμερωτέρη καὶ τὰ ἦθεα τῶν ἀνθρώπων ἡπιώ<τερα καὶ εὐοργητό>τερα. Τὸ δὲ αἴτιον τούτων ἡ κρήσις τῶν ὥρων» Τὴν κρᾶσιν εἶναι αἰτίαν φησὶν οὐ μόνον τῶν ἄλλων ὧν διηλθεν ἀλλὰ καὶ τῶν ἠθῶν. Ὅτι δὲ τὴν τῶν ὥρων κρᾶσιν ἐν τῇ θερμότητι καὶ ψυχρότητι, ξηρότητι τε καὶ ὑγρότητι διαλλάττειν ἑτέρας τῆς ἑτέρας φησὶ, παμπόλλας ῥήσεις παρεθέμην ἐν τῇ πραγματείᾳ, καθὴ ἦν ἐπιδείκνυμι τὴν αὐτὴν φυλάττοντα δόξαν αὐτὸν περὶ [τε] τῶν στοιχείων ἐν <τε> τῇ περὶ φύσιος ἀνθρώπου βίβλῳ καὶ κατὰ ἄλλα πάντα συγγράμματα. Ἀλλὰ καὶ κατὰ τὰς ἐπομένας ῥήσεις τῇ προκειμένη ταυτὸν διδάσκων ὁδί γράφει περὶ τῆς εὐκράτου χῶρας, ἦν καὶ τὰ τῶν ἀνθρώπων ἦθη ποιεῖν φησὶν εὐκράτα: «Οὔτε γὰρ ὑπὸ τοῦ θερμοῦ ἐκκέκασται λίην οὔτε ὑπὸ αὐχμῶν καὶ ἀνυδρίας ἀνεξήρανται οὔτε ὑπὸ ψύξιος πέττεται» Διὰ τοῦτ' οὖν ἐφεξῆς φησὶ «τὸ δὲ ἀνδρείον καὶ <τὸ> ταλαίπωρον καὶ <τὸ> εὐτόνον καὶ τὸ θυμοειδὲς οὐκ ἂν δύναται ἐν τῇ τοιαυτῇ φύσει ἐγγίγνεσθαι οὔτε ὁμοφύλου οὔτε ἀλλοφύλου ἀλλὰ τὴν ἡδονὴν ἀνάγκη κρατέειν». Καὶ μέντοι κατωτέρω πάλιν ἐν ταυτῷ γράμματι τάδε γράφει: «Περὶ δὲ τῆς ἀθυμίας τῶν ἀνθρώπων καὶ τῆς ἀνανδρείης ὅτι ἀπολεμώτεροι εἰσι τῶν Εὐρωπαϊῶν οἱ Ἀσιηνοὶ καὶ ἡμερώτεροι

о них следующее: «Нравы [людей] там жестокие, но справедливые». После этого он рассказывает о городах, находящихся на востоке: «Люди [в этих городах] обладают ясным голосом, прекрасным характером и более пронизательны умом, чем северяне». Рассуждая дальше, он обстоятельно сообщает о жителях Азии²: «Я скажу, что Азия значительно отличается от Европы своими почвой, растительностью и людьми. Все гораздо обширнее и гораздо красивее в Азии. Климат более мягкий, благодаря этому люди обладают добрыми нравами. Причина всего этого зависит от темперамента в смене времен года». В этой связи Гиппократ говорит, что темперамент не только является причиной природных явлений, которые он перечислил, но также определяет и людские нравы. Чтобы доказать мысль Гиппократа о том, что темпераменты времен года отличаются друг от друга жарой, холодом, сухостью и влажностью, я собрал несколько его высказываний, где установил, что мы с ним придерживаемся одного мнения о первоэлементах, составляющих природу человека.

В других своих сочинениях, которые следуют за теми, что я уже привел, Гиппократ подтверждает сказанное прежде, говоря о странах с умеренным климатом, который благотворным образом влияет на людские нравы, делая их мягче: «Ни мужество, ни терпение несчастий, ни энергичность, ни страстность не могли бы существовать с подобной природой. Поэтому независимо от того, коренные они жители или чужеземцы, люди здесь более склонны к удовольствию, предпочитая его в силу необходимости всему другому». И далее в той же книге он пишет: «Отсутствие мужества и робость как черты характера отличают ме-

τὰ [τε] ἦθεα, αἱ [τε] ὄραι αἴτια μάλιστα οὐ μεγάλας τὰς μεταβολὰς ποιόμενα <οὔτε ἐπὶ τὸ θερμὸν> οὔτε ἐπὶ τὸ ψυχρὸν ἀλλὰ παραπλήσια». Καὶ μέντοι καὶ μετ' ὀλίγα πάλιν οὕτως εἶπεν· «Εὐρήσεις δὲ καὶ τοὺς Ἀσιηνοὺς διαφέροντας αὐτοὺς ἐωυτῶν καὶ τοὺς μὲν φαῦλος, τοὺς δὲ φαυλοτέρους ἐόντας· τούτων δὲ αἱ μεταβολαὶ αἴτια τῶν ὥρέων, ὡσπερ μοι εἴρηται ἐν τοῖσι προτέροις» <καὶ> κατατέρω τοῦ συγγράμματος, ἡνίκα περὶ τῶν τῆν Εὐρώπην οἰκούντων ὁ λόγος αὐτῷ γίνεται, τάδε γράφει· «Τὸ τε ἄγριον καὶ τὸ ἀμειλικτον καὶ <τὸ> θυμοειδὲς ἐν τῇ τοιαύτῃ φύσει ἐγγίνεται» καὶ μετὰ ταῦτα πάλιν ἐν ἑτέρῳ ῥήσει γράφει ταυτί· «Ὅσοι μὲν ὀρεινήν χώραν οἰκεῖουσιν καὶ τρηχεῖαν καὶ ὑψηλὴν καὶ ἔνυδρον <καὶ> αἱ μεταβολαὶ αὐτέοισι γίνονται τῶν ὥρέων μεγάλα, ἐναυθα εἰκὸς εἶδα μεγάλα εἶναι καὶ πρὸς τὸ ταλαίπωρον καὶ <τὸ> ἀνδρείον εὐπεφυκότα, καὶ τὸ τε ἄγριον καὶ <τὸ> θηριώδες αἱ τοιαῦτα φύσεις οὐχ ἥκιστα ἔχουσιν· ὅσοι δὲ κοῖλα χωρία καὶ λειμακώδεα καὶ πτηγυρά καὶ τῶν θερμῶν πνευμάτων πλέον <μέρος> μετέχουσιν ἢ τῶν ψυχρῶν ὕδασι τε χρέωνται θερμοῖσιν, οὗτοι δὲ μεγάλοι μὲν οὐκ ἂν εἴησαν οὐδὲ κανονία, ἐς εὐρος δὲ πεφυκότες καὶ σαρκώδες καὶ μελανότριχες· καὶ αὐτοὶ μέλανες μᾶλλον ἢ λευκότεροι φλεγματῖα <τε> ἦσσαν ἢ χολώδες, τὸ δὲ ἀνδρείον καὶ τὸ ταλαίπωρον ἐν τῇ ψυχῇ φύσει μὲν οὐκ ἂν ὁμοίως ἐνεῖη, νόμος δὲ προσγεγόμενος ἀπεργάσονται ἂν». Νόμον εἶρηκε [δὲ] δηλονότι τὴν νόμιμον ἐν ἐκάστῃ χώρῃ τοῦ βίου διαγωγῆν, ἣν δὴ καὶ τροφήν καὶ παιδείαν καὶ συνῆθειαν ἐπιχώριον ὀνομάζομεν, οὗ καὶ αὐτοῦ μεμνήσομαι πρὸς τὸν ὀλίγον ὑστερον εἰρησόμενον λόγον. Ἐν γὰρ τῷ παρόντι προσθεῖναι

нее воинственных и более приятных азиат от европейцев. Это происходит от того, что [жители Азии] не испытывают больших изменений в климате, единообразие которого исключает [крайности] жары или холода. Немного далее он добавляет следующее: «Впрочем, вы обнаружите, что азиаты³ также различны между собой, одни из них нерадивы, а другие же еще более ленивы. Все это происходит из-за превратностей климата, как я об этом говорил выше». Рассуждая далее в той же книге, он рассказывает о жителях Европы: «Этой природе свойственна дикость, суровость и страстность». «Все те, – продолжает он в другом месте, – кто живет в высокогорной стране с неровным ландшафтом, обильными водными источниками и где климат испытывает большие превратности, обладают высоким телосложением, очень работоспособны и способны к мужественным поступкам», но при этом природой наделяются жестоким и диким характером. Напротив, те, кто живет на равнине среди лугов и страдает от жары и где сухие ветры не несут прохлады, а воды теплые, обладают соразмерным телосложением: они коренасты, имеют плотное тело, у них скорее черные, а не светлые волосы. Они более раздражительны, чем возбуждены, их душа по своей природе не обладала ни мужеством, ни терпением, все эти качества им заменяет закон⁴, благодаря которому они могут приобрести и то, и другое».

Гиппократ подразумевает под законом постоянный образ жизни каждой страны. Сюда входит то, что мы называем способами питания, воспитания детей, другими словами, то, что составляет быт данной страны. Эту мысль Гиппократа я раскрою позже, а сейчас хочу

ταύτας ἐτι βούλομαι τὰς ῥήσεις αὐτοῦ· « Ὅσοι δὲ ὑψηλὴν οἰκέουσι χώρην καὶ λεινὴν καὶ ἀνεμόδεα καὶ ἔνυδρον, εἶεν ἂν εἶδεα μεγάλοι καὶ ἐσωτοῖσι παραπλήσιοι, καὶ ἀνανδρότεροι καὶ ἡμερότεροι <τούτων> αἱ γνῶμαι· [καὶ συνάπτων γε τὰ ἐφεξῆς περὶ τὸ χωρίον ἐτι τάδε γράφει]· ὅσοι δὲ λεπτὰ καὶ ἄνυδρα καὶ ψιλὰ καὶ τῆσι μεταβολῆσι τῶν ὥρέων οὐκ εὐκρητα, ἐν ταύτῃ τῇ χώρῃ τὰ εἶδεα εἰκὸς σκληρὰ καὶ εὐτονα [ἦ] καὶ ξανθότερα εἶναι ἢ μελάντερα καὶ τὰ ἦθεα καὶ τὰς ὀργὰς αὐθάδεάς τε καὶ ἰδιογνώμονας». Καὶ [τί γὰρ] ἵνα μὴ πολλῶν αὐτοῦ μνημονεῦσω ῥήσεων, ἐφεξῆς ἐρεῖ « Εὐρήσεις γὰρ ἐπὶ τὸ πολὺ τῆς χώρας τῇ φύσει ἀκολουθῶντα καὶ τὰ εἶδεα τῶν ἀνθρώπων καὶ τοὺς τρόπους». Αὐτὴν δὲ δηλονότι τὴν χώραν κατὰ τὸ θερμὸν τε καὶ ψυχρὸν, ὑγρὸν τε καὶ ξηρὸν ἐτέρας χώρας διαφέρειν εἴρηκε πολλάκις ἐν τῷ συγγράμματι. Διὰ τοῦτο οὖν καὶ πάλιν ἐφεξῆς ἐρεῖ «Ὁκου μὲν γὰρ ἡ γῆ πείρα καὶ μαλθακὴ καὶ ἔνυδρος καὶ τὰ ὕδατα κάρτα μετέωρα, ὥστε θερμὰ εἶναι τοῦ θέρους καὶ τοῦ χειμῶνος ψυχρὰ καὶ τῶν ὥρέων καλῶς κέεται, ἐνταῦθα καὶ <οἱ> ἄνθρωποι σαρκώδεές εἰσι καὶ ἄναρθροι καὶ ὑγροὶ καὶ ἀταλαιπώροι καὶ τὴν ψυχὴν κακοὶ ὡς ἐπὶ <τὸ> πολὺ· τό τε ῥάθυμον καὶ τὸ ὑψηλὸν ἔνεστιν ἐν αὐτοῖσιν, ἕς τε τὰς τέχνας παχέες καὶ οὐ λεπτοὶ οὐδὲ ὀξεες». Ἐν τούτοις πάλιν ἐδήλωσε σαφέστατα μὴ μόνον τὰ ἦθη ταῖς τῶν ὥρῶν κράσεσιν ἀλλὰ καὶ τὴν ἀμβλύτητα τῆς διανοίας ὡσπερ οὖν καὶ τὴν σύνεσιν ἐπομένην. Ὅμοια δὲ τούτοις καὶ τὰ κατὰ τὴν ἐχομένην ῥῆσιν [ὑπὲρ αὐτοῦ]· γέγραπται γὰρ αὐτοῖς ὀνόμασιν. «Ὁκου δὲ ἐστὶν ἡ γῆ ψιλὴ τε καὶ ἄνυδρος καὶ τρηχεῖα καὶ ὑπὸ τοῦ χειμῶνος πιεζομένη καὶ ὑπὸ τοῦ ἡλίου κεκαυμένη, ἐνταῦθα <δὲ> σκληροὺς τε καὶ ἰσχυροὺς

привести его следующее высказывание: «Те, кто живут на равнине, овеваемые ветрами, с достаточным количеством воды, внешне выглядят очень большими и похожими друг на друга, их нравы не столь мужественны, но зато приятны». Описывая иные страны, он говорит: «Те, кто живут в странах, где почва легка, суха и ничего не производит [досл.: голая] и где климат очень переменчив, имеют сухое и сильное строение тела, а также скорее имеют коричневый цвет волос, чем черный. Они самонадеянны и непослушны». Думается, что я привел уже достаточно его высказываний по этому поводу. Хотя следует добавить еще вот что: «Скорее всего, – пишет он, – вы найдете, что форма и образы [бытия] людей зависят от природы той почвы, на которой они живут». Он часто говорил в этой книге, что страны отличаются друг от друга в отношении тепла и холода, сухости и влаги. Поэтому дальше он добавляет: «Везде, где почва тучная, мягкая и влажная, а водоемы достаточно неглубокие, чтобы прогреваться летом и замерзать зимой, и где времена года единообразно сменяются, там люди обычно имеют плотное [досл.: мясистое] строение тела, слабосильны, ленивы и беспечны, у них порочная душа, они равнодушны и сонливы. В отношении искусств они глупы, неутонченны и невосприимчивы». В этом отрывке Гиппократ, очевидно, желает показать, что не только нравы, но помрачение или просветление разума зависят от темперамента времен года. Сразу же после этого он продолжает о том же: «Но в лишенной растительности, безводной, каменистой стране, лежащей зимой под снегом, а летом изнывающей от жары, вы найдете сухих, худых, ясно говорящих, сильных жителей, густо оброс-

καὶ διηρθρωμένους καὶ εὐτόνους καὶ δασέας τὸ τε ἐργαστικὸν ὅξυ ἐνεὸν ἐν τῇ φύσει τῇ τοιαύτῃ καὶ τὸ ἄγρυπνον τὰ τε ἥθεα καὶ τὰς ὀργὰς αὐθάδεας καὶ ἰδιωγώμονας τοῦ τε ἀγρίου μᾶλλον μετέχοντας ἢ τοῦ ἡμέρου ἐς τε τὰς τέχνας ὀξυτέρους τε καὶ ζυνετωτέρους καὶ τὰ πολέμια ἀμείνονας εὐρήσεις». Ἐν τούτῳ πάλιν τῷ λόγῳ σαφῶς οὐ μόνον τὰ ἦθη ταῖς τῆς χώρας κράσεσιν ἀκόλουθά φησιν ὑπάρχειν ἀλλὰ καὶ πρὸς τὰς τέχνας τοὺς μὲν ὀξυτέρους, τοὺς δὲ ἀσυνετωτέρους γίνεσθαι, τούτεστιν τοὺς μὲν συνετωτέρους, τοὺς δὲ ἀμβλυτέρους τε καὶ παχέας τὴν διάνοιαν. Οὐκέτι οὖν δέομαι τῶν κατὰ τὸ δεύτερον καὶ ἕκτον τῶν ἐπιδημιῶν γεγραμμένων φυσιογνωμονικῶν γνωρισμάτων ἀπάντων μνημονεῦειν ἀλλ' ἀρκέσει παραγράψαι παραδείγματος ἕνεκα τήνδε τὴν λέξιν αὐτοῦ· «Ἰν' ἂν ἢ φλέψ ἢ ἐν ἀγκῶνι σφύζει, μανικὸς καὶ ὀξύθυμος, ᾧ δὲ ἂν ἀτρεμέη, τυφώδης». Κατὰ δὲ τὴν ῥῆσιν ὁ λόγος ἐστὶ τοιοῦτος· ὡς ἀνθρώπων ἢ κατὰ τὸν ἀγκῶνα ἀρτηρία σφοδρότατην ποιεῖται κίνησιν αὐτῆς, οὗτοι μανικοὶ εἰσι. Φλέβας μὲν γὰρ καὶ τὰς ἀρτηρίας ἐκάλουν οἱ παλαιοί, <ὡς> δέδεικται πολλάκις, οὐδέπω δὲ πᾶσαν ἀρτηριῶν κίνησιν ὀνόμαζον σφυγμὸν ἀλλὰ μόνον τὴν αἰσθητὴν [αὐτὴν] ἐν τῷ ἀνθρώπῳ πάντως οὖσαν σφοδρᾶν. Ἱπποκράτης δὲ ὡς καὶ πρῶτος ἄρξας τοῦ μετὰ ταῦτα κρατήσαντος ἔθους εἰρηκῆ [γὰρ] που σφυγμὸν ἅπασαν τῶν ἀρτηριῶν [τὴν] κίνησιν, ὅποια τις ἂν ἦ κατὰ μέντοι τήνδε τὴν ῥῆσιν ἔτι τῷ παλαιῷ τρόπῳ τῆς ἐρμηνείας χρώμενος ἐκ σφοδρᾶς κινήσεως ἀρτηρίας ἐτεκμήρατο μανικὸν καὶ ὀξύθυμον ἄνθρωπον, ἔπειθ' αὖτ' ἐπὶ τῷ πληθὸς τῆς ἐν τῇ καρδίᾳ θερμασίας οὕτω σφύζουσιν αἱ ἀρτηρίαί· μανικὸς μὲν γὰρ καὶ

сих волосами. Они бдительны и неутомимы в своей деятельности, самоуверенны, твердо держатся своего мнения, слишком дикие для того, чтобы их можно было просветить. Впрочем, они способны к искусствам, проницательны и в военном искусстве оказываются лучшими».

Здесь Гиппократ совершенно ясно показывает, что не только нравы, но и слабое умение или вовсе отсутствие способностей в искусствах являются следствием грубого темперамента страны. Мне нет смысла перечислять все физиономические признаки, приведенные Гиппократом в книге «Об эпидемиях», но достаточно было бы сказать следующее: «Те, у кого кровяная жила в локтевом суставе сильно пульсирует, восторженны и вспыльчивы, те у кого [пульсация] медленна, безумны»⁵.

Сказанное означает, что люди, у которых в локтевом суставе артерия сильно пульсирует, сумасшедшие. Прежние [врачи] называли артерии кровеносными жилами, что и было потом неоднократно доказано. Однако они не называли пульсом (σφυγμός) любое движение [крови] по артериям, а только те сильные толчкообразные колебания, которые человек чувствует. Гиппократ первый определил пульс как любые сильные толчки [крови] в артерии. Это открытие используется и после него. Здесь же, придерживаясь прежнего учения, он заключил, что сильная пульсация в локтевом суставе свойственна восторженным и вспыльчивым людям. Действительно, из-за избытка тепла сердце заставляет сильно пульсировать кровь в артериях, что делает человека восторженным и вспыльчивым. Холодный же темперамент, напротив, успокаивает и замедляет всякое движение [крови].

ὄξυθύμους τὸ πλῆθος τῆς θερμασίας
ἐργάζεται, νωθροὺς δὲ καὶ βαρεῖς καὶ
δυσκινήτους ἢ τῆς κράσεως ψυχρότης.

[IX] Ἴπποκράτης μὲν <οὐν>
ἐπιδείξας ἐν ὄλῳ <λόγῳ> τῷ περὶ ὑδάτων
καὶ ὠρῶν κράσεως <ἐπομένως> ταῖς τοῦ
σώματος κράσεσι τὰς τῆς ψυχῆς
δυνάμεις, οὐ μόνον ὅσα κατὰ τὸ
θυμοειδὲς ἢ ἐπιθυμητικὸν αὐτῆς εἰσιν,
ἀλλὰ καὶ τὰς κατὰ τὸ λογιστικόν,
ἀπάντων ἀξιοπιστότατός ἐστι μάρτυς, εἴ
τις ἐπιμαρτύροιο, καθάπερ ἐνίοις ἔθος
ἐστί, τὴν τῶν δογμάτων ἀλήθειαν. Ἐγὼ
δὲ οὐχ ὡς μάρτυρι πιστεύω τάνδρῳ τοῖς
πολλοῖς ὡσαύτως ἀλλ' ὅτι τὰς ἀποδείξεις
αὐτοῦ βεβαίως ὄρω, διὰ τοῦτο γοῦν καὶ
αὐτὸς ἔπειθ' ὅν Ἴπποκράτην. Τίς γάρ
οὐχ ὄρᾳ τὸ σῶμα καὶ τὴν ψυχὴν ἀπάντων
τῶν ὑπὸ τοῖς ἄρκτοις <ἀνθρώπων>
ἐναντιώτατα διακείμενα τοῖς ἐγγύς τῆς
διακεκαυμένης ζώνης; Ἡ τίς οὐκ οἶδε
τοὺς ἐν τῷ μέσῳ τούτων, ὅσοι τὴν
εὐκρατον οἰκοῦσι χώραν, ἀμείνους τὰ τε
σώματα καὶ τὰ τῆς ψυχῆς ἦθη καὶ
σύνεσιν καὶ φρόνησιν ἐκείνων τῶν
ἀνθρώπων; Ἀλλὰ διὰ τινος τῶν
Πλατωνικῶς μὲν ἑαυτοὺς ὀνομαζόντων,
ἡγουμένους δὲ ἐμποδίζεσθαι <μὲν> ἐν
ταῖς νόσοις τὴν ψυχὴν ὑπὸ τοῦ σώματος,
ὕγιαίνοντος δὲ τὰς ἰδίας ἐνεργείας
ἐνεργεῖν οὐτ' ὠφελουμένην οὐτε
βλαπτομένην ὑπὲρ αὐτοῦ, παραγράφω
τινὰς ῥήσεις τοῦ Πλάτωνος, ἐν αἷς
ἀποφαίνεται διὰ τὴν τῶν τόπων κράσιν
εἰς φρόνησιν ὠφελουμένους τε καὶ
βλαπτομένους <τοὺς ἀνθρώπους> ἄνευ
τοῦ νοσεῖν τὸ σῶμα. Ἐν μὲν γε τῷ Τιμαίῳ
κατὰ τὰ πρῶτα τῶν λόγων ἔγραψε «
Ταύτην δὲ ξύμπασαν τὴν διακόσμησιν
καὶ σύνταξιν ἢ θεὸς προτέρους ἡμᾶς
διακοσμήσασα κατώκεισεν ἐκλεξαμένη
τὸν τόπον, ἐν ᾧ γεγένησθε, τὴν

[IX] Гиппократ во всем своем сочи-
нении о воде и климатическом темпера-
менте показал, что не только желатель-
ные и страстные силы души зависят от
темпераментов тела, но и ее разумная
сторона. Всякое самое надежное свиде-
тельство тогда истинно, когда за основу
берет доказательство от истинных уче-
ний. Я не верю многим свидетельствам
людей, если не вижу, что это доказатель-
ство достоверно; по крайней мере, оно
должно быть подтверждено Гиппокра-
том. В самом деле, кто не видит, что тела
и души всех людей, живущих на севере,
отличаются от [душ] людей, живущих
в жарких краях? И кто также не видит,
что на жителей стран, расположенных
посередине [между севером и югом],
оказывает положительное влияние уме-
ренный климат, благоприятствуя телу,
нравам, сообразительности и мудрости,
по сравнению, например, [с климатом]
крайних регионов? Ведь даже те из фи-
лософов, кто называют себя платоника-
ми, утверждают, что душа стеснена недуга-
ми тела. Если человек здоров, то душа
руководит телом. Но когда он болен,
душа не может выполнять свои функции.
Я приведу несколько примеров из Пла-
тона, в которых он доказывает, что мест-
ные климатические условия могут поло-
жительно или отрицательно влиять на
заболевание тела. В самом начале диало-
га «Тимей» он пишет: «Но весь этот по-
рядок и строй богиня еще раньше ввела у
вас, устроив ваше государство, а начала
она с того, что отыскала для вашего рож-
дения такое место, где под действием
мягкого климата вы родились бы ра-

εὐκрасίαν τῶν ὠρῶν <ἐν αὐτῷ
κατιδοῦσα, ὅτι> ἄνδρας οἷσιν
φρονιμωτάτους», ἀλλὰ καὶ συνάπτων
ἐφεξῆς «Ἄτε οὖν φιλοπόλεμός τε καὶ
φιλόσοφος ἢ θεὸς οὕσα τὸν
προσφερεστάτους αὐτῇ μέλλοντα οἷσιν
τόπον ἄνδρας τοῦτον ἐκλεξαμένη πρῶτον
κατώκισεν». Ὅτι μὲν οὖν πολὺ δίδωσι
τοῖς τόποις, τούτεστι ταῖς ἐπὶ γῆς
οἰκίσεσιν, εἰς τε τὰ τῆς ψυχῆς ἦθη καὶ
σύνεσιν καὶ φρόνησιν, ἤδη μὲν καὶ
τούτων ἐστὶ δῆλον, ἀλλὰ καὶ τῷ πέμπτῳ
τῶν Νόμων ὧδι πῶς ἔγραψε: «Καὶ γάρ,
ὦ Μέγυλέε τε καὶ Κλεινία, μηδὲ τοῦθι
ἡμᾶς λαθνανέτω περὶ τόπων, <ὡς εἰσὶν
ἄλλοι τινὲς διαφέροντες ἄλλων τόπων>
πρὸς τὸ γεννᾶν ἀνθρώπους ἀμείνους καὶ
χείρους». Ἐναργῶς πάλιν ἐνταῦθα γεννᾶν
τοὺς τόπους φησὶν ἀμείνους τε καὶ
χείρους ἀνθρώπους. Ἐφεξῆς <δὲ> πάλιν
ἐπιφέρων τοῖσδέ φησιν «Οἱ μὲν γέ που
διὰ πνεύματα παντοῖα καὶ εἰλήσεις
ἀλλόκοτοί τι εἰσὶ καὶ ἀναίδειοι αὐτῶν, οἱ
δὲ δι' ὕδατα, οἱ δὲ δι' αὐτὴν τὴν ἐκ τῆς
γῆς τροφήν ἀναδιδούσαν οὐ μόνον τοῖς
σώμασιν ἀμείνω καὶ χεῖρω, ταῖς ψυχαῖς
δὲ οὐχ ἦττον δυναμένην πάντα τὰ τοιαῦτα
ἐμποιεῖν». Ἐν τούτῳ τῷ λόγῳ «
πνεύματα» σαφῶς, <τούτεστι τοὺς
ἀνέμους>, <καὶ> «εἰλήσεις», τούτεστι
τὰς ἐξ ἡλίου θερμότητας, <δύνασθαι>
φησὶν εἰς τὰς τῆς ψυχῆς δυνάμεις, εἰ μὴ τι
ἄρα νομίζουσι διὰ μὲν τὰ πνεύματα
<καὶ> τὴν τοῦ περιέχοντος ἀέρος
θερμότητα καὶ ψυχρότητα καὶ τὴν τῶν
ὑδάτων τε καὶ [τὴν] τῆς τροφῆς φύσιν
ἀμείνους τε καὶ χείρους τὴν ψυχὴν
ἀνθρώπου δύνασθαι γενέσθαι, ταῦτα δὲ
αὐτὰ μὴ διὰ μέσων τῶν κράσεων
ἐργάζεσθαι [τε] κατὰ τὴν ψυχὴν ἀγαθὰ τε
καὶ φαῦλα· καὶ γὰρ καὶ ταῦτα ἂν εἴη τῇ
συνέσει καὶ παιδείᾳ τῶν ἀνδρῶν
ἀκόλουθα. Ἀλλ' ἡμεῖς γε σαφῶς ἴσμεν,

зумнейшими на Земле людьми»⁶. Мы видим, что в этом отрывке Платон придает большое значение [географическим] местам на Земле, в которых обитают люди, так как это отражается на нравах души, на разуме и мудрости. Вот что он говорит в пятой книге «Законов»: «От нас, Мегилл и Клиний, не должно укрыться, что одни местности превосходят другие в смысле рождения лучших или худших людей»⁷. Очевидно, что в этом месте Платон говорит, что условия определенной обитаемой местности влияют на происхождение лучших или худших людей. И затем добавляет: «Ведь в иных местах различные воздушные течения и зной делают людей странными и неудачливыми, с другой стороны, влажность климата и даваемая землей пища не только делают то лучшим, то худшим тело, но все это не меньше может влиять и на душу»⁸.

В этом отрывке ясно видно, что воздушные потоки, солнечное освещение (солнечный жар) оказывают влияние на силы души. Возможно, некоторые философы считают, что теплые и холодные воздушные движения, природа воды или пищи могут повлиять на человеческую душу, сделав ее лучше или хуже, но эти обстоятельства придают душе хорошие или плохие качества без участия темперамента, так как они [по мнению этих философов] являются следствием полученного знания и человеческого воспитания.

Что же касается меня, то я ясно осознаю, что каждый вид пищи, попавший в желудок, вначале переваривается, а затем с помощью кровеносных жил поступает в печень, а затем превращается в телесный сок, который питает все части тела, мозг, печень и сердце, что влияет на

ὡς ἕκαστον ἔδεσμα καταπίνεται μὲν πρῶτον εἰς τὴν γαστέρα, προκατείργασται δι' ἐν αὐτῇ καὶ μετὰ ταῦτα διὰ τῶν ἐξ ἥπατος εἰς αὐτὴν καθηκουσῶν φλεβῶν ἀναληφθὲν ἐργάζεται τοὺς ἐν τῷ σώματι χυμούς, ἐξ ὧν τρέφεται τὰλλα μόρια πάντα καὶ σὺν αὐτοῖς ἐγκέφαλός τε καὶ καρδία καὶ ἥπαρ, ἐν δὲ δι' τῷ τρέφεσθαι θερμότερα σφῶν αὐτῶν γίνεται ψυχρότερα τε καὶ ὑγρότερα συνεξομοιούμενα τῇ δυνάμει τῶν ἐπικρατουμένων χυμῶν. Ὡστε σωφρονήσαντες [καὶ] νῦν γοῦν οἱ δυσχεραίνοντες, <ὅτι> τροφῆ δύνатаι τοὺς μὲν <σωφρονεστέρους, τοὺς δι' ἀκολαστοτέρους ἐργάζεσθαι καὶ τοὺς μὲν> ἐγκρατεστέρους, τοὺς δι' ἀκρατεστέρους καὶ θαρσαλέους καὶ δειλοὺς ἡμέρους τε καὶ πρᾶους ἐριστικούς τε καὶ φιλονεικούς, ἠκέτωσαν πρὸς με μαθησόμενοι, τίνα μὲν ἐσθίειν αὐτοὺς χρή, τίνα δὲ πίνειν. Εἷς τε γὰρ τὴν ἠθικὴν φιλοσοφίαν ὀνήσονται μέγιστα καὶ πρὸς ταύτη κατὰ τὰς τοῦ λογιστικοῦ δυνάμεις ἐπιδώσουσιν εἰς ἀρετὴν συνετώτεροι καὶ μνημονικώτεροι γενόμενοι. Πρὸς γὰρ ταῖς τροφαῖς καὶ τοῖς πόμασι καὶ τοὺς ἀνέμους αὐτοὺς διδάξω καὶ τὰς τοῦ περιέχοντος κράσεις ἔτι τε τὰς χώρας, ὁποίας μὲν αἰρεῖσθαι προσήκει, ὁποίας δὲ φεύγειν.

[X] Ἀναμνήσω δὲ πάλιν αὐτοὺς, κἄν μὴ θέλωσιν, ὡς ὁ Πλάτων αὐτός, ἀφ' οὗ παρονομάζουσιν ἑαυτοὺς, οὐχ ἅπαξ ἢ δις ἀλλὰ πολλάκις ἔγραψε περὶ τούτων. Ὡσαύτως δι' οὗν ἀρκέσει μοι προσθεῖναι <ρήσεις τινάς> κατὰ τὸν ἐνεστώτα λόγον, ὧν αἱ μὲν δύο περὶ οἴνου πόσεως εἰσιν ἐκ τοῦ δευτέρου τῶν Νόμων, <ἄλλη δὲ περὶ τροφῆς ἐκ Τιμαίου. Ἡ δι' οὗν ῥήσις ἐκ τοῦ δευτέρου τῶν Νόμων> ἦδε: «Ἄρτ' οὐ νομοθετήσομεν πρῶτον μὲν τοὺς παῖδας

расположение духа. Получив пищу, части тела становятся более теплыми или холодными, чем в нормальном состоянии, и в зависимости от преобладания того или иного состояния влияют на силы души.

Если есть те, кто отказывается признать действенность пищи, делающей людей скромнее или распущенней, сдержанными или несдержанными, отважными или трусливыми, культурными и спокойными или же склонными к препирательству и соперничеству, то пусть они придут ко мне, чтобы узнать, что им лучше есть или пить. Это принесет им огромную пользу в отношении нравственной философии и силы мышления, они станут гораздо мудрее, их память улучшится. Я обучу их на примере использования пищи и питья, а также движения воздушных потоков и окружающих климатических условий, какие страны подобает предпочесть, а какие – избегать.

[X] Я снова напомню этим философам, пусть даже они этого не желают, что сам Платон, имя которого они узурпировали, много раз говорил об этом. Сейчас достаточно упомянуть его мнение о пище, изложенное им [в приведенных мною] отрывках из «Тимея», и другие, находящиеся в второй книге «Законов», где он говорит [об употреблении вина]: «Не правда ли, мы установим закон, чтобы дети до восемнадцати лет не

μέχρις <ἐτῶν> ὀκτωκαίδεκα τὸ παράπαν οἴνου μὴ γεύεσθαι, διδάσκοντες, ὡς οὐ χρὴ πῦρ ἐπὶ πῦρ ὀχετεύειν εἰς τε τὸ σῶμα καὶ τὴν ψυχὴν, πρὶν ἐπὶ τοὺς πόρους ἔγχειρεῖν πορεύεσθαι, τὴν ἔμμανῆ εὐλαβούμενοι ἕξιν τῶν νέων· μετὰ δὲ τοῦτο οἴνου μὲν γεύεσθαι τοῦ μετρίου μέχρι τριάκοντα ἐτῶν, μέθης δὲ καὶ πολυοινίας <τὸ> παράπαν τὸν νέον ἀπέχεσθαι· τετταράκοντα δὲ ἐπιβαίνοντα ἐτῶν ἐν τοῖς ξυσσιτίοις εὐωρηθέντα καλεῖν τοὺς τε ἄλλους θεοὺς <καὶ> δὴ καὶ Διόνυσον παρακαλεῖν εἰς τὴν τῶν <πρεσβυτῶν τελετὴν ἅμα καὶ παιδιάν, ἣν τοῖς> ἀνθρώποις ἐπίκουρον τῆς τοῦ γήρωος ἀσπηρότητας ἐδωρήσατο τὸν οἶνον φάρμακον, ὥστε ἀνίας καὶ δυσθυμίας λήθην γίνεσθαι μαλακώτερόν <τι> ἐκ σκληροτέρου τὸ τῆς ψυχῆς ἦθος, καθάπερ εἰς πῦρ σίδηρον ἐντεθέντα, γιγνόμενον καὶ οὕτως εὐπλαστότερον εἶναι;». Ἐκ ταύτης τῆς ῥήσεως μεμνησθαι παρακαλῶ τοὺς γενναίους Πλατωνικοὺς οὐ μόνον ἅ λέλεκτα περὶ πόσεως οἴνου κατὰ αὐτὴν ἀλλὰ καὶ περὶ τῆς τῶν ἡλικιῶν διαφορᾶς. Ἐμμανῆ μὲν γὰρ εἶναι φησι τὴν τῶν μερακίων <φύσιν>, ἀσπηρὰν δὲ καὶ δύσθυμον καὶ σκληρὰν τὴν τῶν γερόντων, οὐ δῆπου διὰ τὸν ἀριθμὸν τῶν ἐτῶν ἀλλὰ κατὰ τὴν τοῦ σώματος [ἔχουσαν] κρᾶσιν τὴν οὖσαν ἐκάστη τῶν ἡλικιῶν. Ἡ μὲν γὰρ τῶν μερακίων θερμὴ καὶ πολυαίμος, ἡ δὲ τῶν γερόντων ὀλίγαίμος τε καὶ ψυχρὰ καὶ διὰ τοῦτο γὰρ αὐτοῖς μὲν γέρουσιν ὠφέλιμος οἴνου πόσις εἰς συμμετριαν θερμασίας ἐπανάγουσα τὴν ἐκ τῆς ἡλικίας ψυχρότητα, τοῖς δὲ ἀυξανομένοις ἐναντιωτάτη· ζέουσα γὰρ αὐτῶν τὴν φύσιν καὶ σφοδρῶς κινουμένην ὑπερθερμαίνει τε καὶ εἰς ἀμέτρους καὶ σφοδρὰς ἐκβαίνει κινήσεις. Ἀλλὰ Πλάτωνι μὲν καὶ ταῦτα καὶ ἄλλα πολλὰ

вкушали вина, мы растолкуем, что не надо ни в теле, ни в душе к огню добавить огонь, прежде чем человек не достигнет того возраста, когда можно приняться за труд. Должно остерегаться неистовства, свойственного молодым людям. Более старшим, тридцатилетним, можно уже вкушать вино, но умеренно, ибо молодой человек должен совершенно воздерживаться от пьянства и обильного употребления вина. Достигшие сорока лет могут пировать на сисситиях⁹, призывая как остальных богов, так в особенности и Диониса на священные празднества и развлечения стариков. Ведь Дионис даровал людям вино как лекарство от угрюмой старости, и мы снова молодеем и забываем наше скверное настроение, жесткий наш нрав смягчается, точно железу, положенное в огонь, и потому делается более гибким»¹⁰. Этими словами Платона я призываю его благородных последователей не только думать об употреблении вина, но вспомнить о разнице в возрасте. Ведь он говорит, что у юношей природа более неистовая, а природа стариков всегда печальна и суха, но это происходит не просто из-за количества лет, а зависит от темперамента тела, соответствующего каждому возрасту.

Действительно, юноши имеют жаркую и обильную кровь, а у стариков она разрежена и холодна. Именно поэтому употребление вина полезно для пожилых людей, так как разогревает остывающий темперамент, обычный для их возраста. Но употребление вина совершенно вредно для тех, чей организм растет, так как вино чрезмерно разогревает и без того подвижную, горячую и неистовую природу юношей.

Помимо того, о чем я сообщил только что, Платон говорит об употребле-

κατὰ τὸ δευτέρον τῶν Νόμων εἴρηται περὶ πόσεως οἴνου τοῖς βουλομένοις ἀναγιγνώσκειν ὠφέλιμα· μόνης δὲ ἔτι μιᾶς ἐγὼ ῥήσεως αὐτοῦ μνημονεύσω κατὰ τὸ τέλος εἰρημένης ἀπάντων τῶν περὶ πόσεως οἴνου λόγων, ἔνθα προήρηται <τὸν> τῶν Καρχηδονίων νόμον. Ἔχει δὲ ἡ ῥήσις οὕτως: «Ἄλλῃ ἔτι μᾶλλον τῆς Κρητῶν καὶ Λακεδαιμονίων χρείας προσθείμην ἂν <τῶ> τῶν Καρχηδονίων νόμῳ, μηδέποτε μηδένα ἐπὶ στρατοπέδου γεύεσθαι τούτου τοῦ πόματος ἄλλῃ ὑδροποσίας ζυγγίγνεσθαι τοῦτον τὸν χρόνον ἅπαντα <καὶ> κατὰ πόλιν <μήτε δούλων> μήτε δούλην γεύεσθαι μηδέποτε μηδὲ ἄρχοντας τοῦτον τὸν ἐνιαυτὸν ὃν ἂν ἄρχωσι, μηδὲ αὐτὸν κυβερνήτας μηδὲ δικαστὰς ἐνεργοῦς ὄντας οἴνου [μὴ] γεύεσθαι τὸ παράπαν μηδὲ ὅστις βουλευσόμενος εἰς βουλὴν ἄξιαν τινὰ λόγου ζυνέρχεται μηδὲ γε μετῆ ἡμέραν τὸ παράπαν μηδένα, εἰ μὴ σωμασκίας ἢ νόσων ἕνεκα, μηδὲ αὐτὸν νύκτωρ, <ὅταν> ἐπινοῇ τις παιδᾶς ποιεῖσθαι ἀνήρ ἢ γυνή. Καὶ ἄλλα δὲ πολλὰ ἂν τις λέγοι, ἐν οἷς τοῖς οὖν τε καὶ νόμον ἔχουσιν ὀρθὸν οὐ ποτέος οἴνος». Ταῦτα τοῦ Πλάτωνος εἰρηκότος οὐκ ἐπὶ τῶν νοσοῦντων σωμαίων ἄλλῃ ἐπὶ τῶν ἀμέμπτων ὑγιαίνοντων, εἴ γι ὑμῖν δοκοῦσιν, ὃ γενναϊότατοι Πλατωνικοί, στρατεύεσθαι καὶ ἄρχειν καὶ δικάζειν καὶ κυβερνᾶν ναῦς ὑγιαίνοντες ἄνδρες, ἀποκρίνασθέ μοι τοῦντεῦθεν ἐρωτῶντι, πότερον οὐχ ὡσπερ τις τύραννος ὁ ποθεῖς οἴνος κελεύει τὴν ψυχὴν μῆτε νοεῖν ἀκριβῶς, ἢ πρόσθεν ἐνόει, μῆτε πράττειν ὀρθῶς, ἢ πρόσθεν ἔπραττε, καὶ διὰ τοῦτο φυλάττεσθαι φησὶν ὁ Πλάτων ὡς πολέμιον; Εἰ γὰρ ἅπαξ εἰσω τοῦ σώματος ἀφίκοιτο, καὶ τὸν κυβερνήτην κωλύει, ὡς προσήκει, μεταχειρίζεσθαι τοὺς οἴακας τῆς νεῶς καὶ τοὺς στρατευομένους [μὴ]

нии вина достаточно много во второй книге «Законов». Его мысли будут полезны для тех, кто хочет с ними ознакомиться, но я познакомлю вас только с тем местом в этой книге, где он говорит об отношении к вину закона карфагенян. Вот этот отрывок: «Но еще более, чем за критский и лакедемонский обычай, подал бы я свой голос за карфагенский закон: во время похода никто из воинов не должен вкушать вина, но должно в течение всего этого времени пить на совместных трапезах одну только воду, в пределах государства ни рабыня, ни раб никогда не должны вкушать вина, ни правители в течение всего года, когда они отправляют свою должность, ни кормчие, ни судьи, стоящие у своего дела, совершенно не должны вкушать вина, ни один из тех, кто собирается участвовать в каком-либо совещании, достойном внимания, совершенно нельзя пить никому днем – разве что для телесных упражнений или по причине болезни, ни мужчине, ни женщине нельзя пить и ночью, когда замышляется рождение ребенка. Можно было бы перечислить еще целый ряд случаев, при которых люди, имеющие разум и правильный закон, не должны пить вина»¹¹.

Тем самым Платон говорит не о телесах, подверженных болезням, но о безусловно здоровых. Поэтому не кажется ли вам, о благороднейшие платоники, что совершать военный поход, быть судьями или управлять кораблем могут люди здоровые, а не пьяные? Я вас прошу, ответьте мне, не приводит ли вино к беззаконию и не вынуждает ли душу думать о том, о чем она до [питья вина] не думала, и делать то, что никогда и не думала делать? Не советует ли Платон остерегаться вина как злейшего врага?

σωφρονεῖν ἐν ταῖς παρατάξεσι <καί> τοὺς δικαστάς, ὁπότε [οὖν] δικάιους εἶναι χρεῖ, ποιεῖ σφάλεσθαι καὶ πάντας τοὺς ἄρχοντας ἄρχειν κακῶς καὶ προστάττειν [μὲν] οὐδὲν ὑγιές. Ἦγεῖται <γάρ> τὸν οἶνον ἀτιμῶν θερμῶν ὄλον τε τὸ σῶμα καὶ μάλιστα τὴν κεφαλὴν πληροῦντα κινήσεως μὲν ἀμετροτέρας αἰτιον γίνεσθαι τῷ τι ἐπιθυμητικῶ μέρει τῆς ψυχῆς καὶ τῷ θυμοειδεῖ, βουλής δὲ προπετεστέρας τῷ λογιστικῷ. Καὶ μὴν, εἴπερ οὕτως ἔχει ταῦτα, διὰ μέσης τῆς κράσεως αἱ εἰρημέναι τῆς ψυχῆς ἐνέργεια φαίνονται βλαπτόμεναι πινότων ἡμῶν τὸν οἶνον, ὥσπερ γε πάλιν ὠφελούμεναι [τινές]. Ἀλλὰ γὰρ τοῦθι ἡμᾶς, ἐὰν βούλησθε, διδάξω καθ' ἕτερον καιρὸν, ἐκ τοῦ θερμαίνειν ὅσα βλάπτει τε καὶ ὠφελεῖν ἡμᾶς οἶνος πέφυκεν· ἐν δὲ τῷ παρόντι τὴν ἐν τῷ Τιμαίῳ ρῆσιν παραγράψω, καθ' ἣν προειπὼν ὁ Πλάτων οὕτως: «Ταῦτη κακοὶ πάντες οἱ κακοὶ διὰ δύο ἀκουσιώτατα γιγνόμεθα· ὧν αἰτιατέον μὲν αἰεὶ τοὺς <φυτεύοντας τῶν> φυτευόμενον μᾶλλον καὶ τοὺς τρέφοντας τῶν τρεφομένων» ἐφεξῆς φησι «Πειρατέον μὴν, ὅπη τις δύναται, καὶ διὰ τροφῆς καὶ διὰ ἐπιτηδευμάτων μαθημάτων τε φυγεῖν μὲν κακίαν, τοῦναντίον δι' ἐλεῖν». Ὡσπερ <γάρ> «ἐπιτηδεύματα καὶ μαθήματα» κακίας μὲν ἀναρετικά, γεννητικά δι' ἀρετῆς ἔστιν, οὕτω καὶ ἡ «τροφὴ» λεγομένης <τι> ἐνίοτε τροφῆς [ὑπὲρ αὐτῶν] οὐ μόνον τῆς ἐπὶ σιτίοις ἀλλὰ καὶ πάσης τῶν παιδῶν [τε] διαίτησιν οὐχ οἶον τε φάναι κατὰ τὸ δεύτερον σημαίνονμενον εἰρησθαι [μὲν] νῦν ὑπὲρ αὐτοῦ τὴν τροφήν· οὐ γὰρ τοῖς παισὶν ἀλλὰ τοῖς τελειοῖς παρακελευόμενος ἔφη «Πειρατέον μὴν, ὅπη τις δύναται, καὶ διὰ τροφῆς καὶ διὰ ἐπιτηδευμάτων μαθημάτων τε φυγεῖν μὲν

Потому что как только вино окажется в теле, оно неверно управляет рукой кормчего, ведущего корабль, а воины не могут сохранить боевой порядок, судьи обманывают, хотя должны быть справедливыми, а правители скверно правят и вводят ужасные порядки.

На самом деле Платон считает, что вино заполняет все тело парами, и в особенности проникает в голову, приводя в беспорядочное состояние страстную часть души, в результате чего разум принимает поспешные и неверные решения. Если это так, то когда мы пьем вино, затрагивается темперамент [тела], что приводит к повреждению функций души, но некоторые считают, что это идет нам на пользу. Но если вы желаете, то я в надлежащее время покажу вам, как теплота, содержащаяся в вине, может нам повредить или помочь. Теперь же я собираюсь вновь обратиться к «Тимею», где Платон говорит следующее: «Все эти пороки делают нас злыми под воздействием двух причин, происходящих помимо нашей воли, ответственность лежит скорее на родителях, чем на детях, более на наставниках, чем на воспитуемых»¹². Затем он продолжает: «И все же каждый обязан напрягать свои силы, дабы с помощью воспитания, упражнений и занятий избегнуть порока и обрести то, что ему противоположно»¹³. Вследствие этого порочное и разрушительное с помощью обучения приобретает превосходные качества. Иногда Платон подразумевает под пищей (ή τροφή) не просто средства пропитания, но еще и воспитание детей. Но все-таки мы не можем сказать, что в приведенном отрывке он рассматривает пищу во втором смысле [как воспитание]. Он обращается не к детям, а к взрослым, которых он призывает избегать зла и с по-

κακίαν, τὸ ὑνάντιον δὲ εἶναι
 »Ἐπιτηδεύματι οὖν λέγει τὰ [γε] κατὰ
 γυμναστικὴν τε καὶ μουσικὴν, μαθήματα
 <δὲ> τὰ τε κατὰ γεωμετρίαν καὶ
 ἀριθμητικὴν τροφήν δὲ οὐκ ἄλλην τινὰ
 νοεῖν οἶόν τε παρὰ τὴν ἐκ τῶν σιτίων καὶ
 ῥοφημάτων καὶ πομάτων, ἐξ ὧν ἐστί καὶ
 οἶνος, ὑπὲρ οὗ πολλὰ διήλθεν ὁ Πλάτων
 ἐν τῷ δευτέρῳ τῶν Νόμων. Ὅστις δὲ
 βούλεται καὶ χωρὶς τούτου γυνῶναι τι περὶ
 πάσης τῆς ἐν ταῖς τροφαῖς δυνάμεως,
 ἔνεστιν ἀναγιγνώσκειν αὐτῷ τρία <περὶ
 τοῦδε βιβλίου τὰ ἡμέτερα καὶ τέταρτον ἐπι
 αὐτοῖς τὸ > περὶ εὐχυμίας τε καὶ
 κακοχυμίας, οὗ μάλιστα χρῆζομεν εἰς τὸ
 παρόν. Πολλὰ μὲν οὖν ἡ κακοχυμία ταῖς
 τῆς ψυχῆς ἐνεργείας λυμαίνεται,
 διασφύζει δὲ ἀβλαβεῖς ἡ εὐχυμία.

[XI] Οὐκ οὖν ἀναρετικὸς ὁδὸς ὁ
 λόγος ἐστὶ τῶν ἐκ φιλοσοφίας καλῶν
 ἀλλὰ ὑψηλῆς τε καὶ διδασκαλικῆς
 <καίτοι γι> ἀγνοούμενος <μέχρι> τινὸς
 ἐνίοις τῶν φιλοσόφων· οἳ τε γὰρ
 ἡγοῦμενοι πάντας ἀνθρώπους
 ἐπιδεκτικὸς ἀρετῆς ὑπάρχειν [ὅπερ ἴσον
 ἐστὶ τῷ μηδένα γενέσθαι φυσικόν] οἳ τε
 μηδένα τὴν δικαιοσύνην αἰρεῖσθαι αὐτήν,
 ἐξ ἡμίσεος ἑκάτεροι τὴν ἀνθρωπίνην
 ἐώρακασιν φύσιν. Οὔτε γὰρ ἅπαντες
 ἐχθροὶ φύονται δικαιοσύνης οὐθὲ ἅπαντες
 φίλοι, διὰ τὰς κράσεις τῶν σωματίων
 ἑκάτεροι τοιοῦτοι γενόμενοι. Πῶς οὖν,
 φασί, δικαίως <ἄν> τις ἐπαινοῖτο καὶ
 ψεῖροιο καὶ μισοῖτο καὶ φιλοῖτο
 γενόμενος πονηρὸς ἢ ἀγαθὸς οὐ διὰ
 ἑαυτὸν ἀλλὰ διὰ τὴν κράσιν, ἣν ἐξ ἄλλων
 αἰτίων φαίνεται λαμβάνων; Ὅτι,
 φήσομεν, ὑπάρχει τοῦτο πᾶσιν ἡμῖν,
 ἀσπάζεσθαι μὲν τὸ ἀγαθὸν καὶ
 προσίεσθαι <καὶ> φιλεῖν, ἀποστρέφεσθαι
 δὲ καὶ μισεῖν καὶ φεῦγεν τὸ κακόν,

мощью пищи, правильного образа жизни
 и наук становиться лучше.

Платон понимает под образом жизни гимнастику и музыку, из наук – математику, геометрию и арифметику. Под пищей понимается не что иное, как полезные продукты, такие как хлеб, простая похлебка и напитки, одним из которых является вино, о чем он часто и говорил во второй книге «Законов». Кто же захочет подробнее узнать о том, что я думаю о возможностях, заключенных в пище в целом, то пусть хорошо ознакомится с моим сочинением из трех книг, но не забудет и про четвертую. Прежде всего мы нуждаемся в полезной, а не в плохой пище. Дурная пища разрушает силы души, а хорошая, наоборот, восстанавливает их безо всякого вреда.

[XI] Следовательно, речь Платона не отменяет то полезное, чем владеет философия; более того, он объясняет и обучает философов тем вещам, о которых они и не подозревают. В самом деле, те, кто считает, что все люди способны к добродетели, и те, кто полагает, что человек не имеет свободного выбора (тождественным этому является утверждение, что нет никаких природных ограничений [для человека]), – все они видят только половину того, что свойственно человеку. Люди не рождаются врагами, справедливыми или приятными, они становятся такими из-за темперамента тела, который присущ каждому. Справедливо ли будет сказать тогда, что люди вправе хвалить или порицать, ненавидеть или любить, быть плохими или хорошими только благодаря темпераменту, зависящему от совершенно посторонних причин?

На этот вопрос я отвечу следующим образом: у нас есть врожденная способ-

οὐκέτι προσκελτομένοις οὔτι εἰ γενητόν ἐστιν οὔτι εἰ μὴ γενητόν [οὐκέτι ἕτερον αὐτῷ τοιοῦτον ἐποίησεν οὔτε κατεσκεύασεν αὐτῷ τοιοῦτον]. Τοὺς γοῦν σκορπίους καὶ τὰ φαλάγγια καὶ τὰς ἐχίδνας ἀναροῦμεν ὑπὸ τῆς φύσεως γεγονότα τοιαῦτα καὶ οὐχ ὑφ' ἑαυτῶν [ἀγενητόν τε καὶ πρῶτον καὶ μέγιστον θεὸν ὁ Πλάτων λέγων ὁμοίως ἀγαθὸν ὀνομάζει καὶ ἡμεῖς δὲ πάντες φύσει φιλοῦμεν αὐτὸν ὄντα τοιοῦτον ἐξ αἰῶνος, οὐχ ὑφ' ἑαυτοῦ γενόμενον ἀγαθόν· ὅλως γάρ οὐδὲ ἐγένετό ποτε διὰ παντὸς ἀγένητος ὢν καὶ αἰδίος]. Εἰκότως οὖν καὶ τῶν ἀνθρώπων τοὺς πονηροὺς μισοῦμεν οὐ προσλογιζόμενοι τὸ ποιῆσαν αἴτιον αὐτοῦς τοιοῦτους, ἐμπαλιν δὲ προσιέμεθα καὶ φιλοῦμεν τοὺς ἀγαθοὺς, εἴτ' ἐκ φύσεως εἴτ' ἐκ παιδείας καὶ διδασκαλίας εἴτ' ἐκ προαιρέσεως καὶ ἀσκήσεως ἐγένοντο τοιοῦτοι. Καὶ μὲν γε καὶ ἀποκτείνουμεν τοὺς ἀνιάτους πονηροὺς διὰ τρεῖς αἰτίαις εὐλόγως ἵνα μὴθι ἡμᾶς ἀδικήσωσι ζῶντες εἰς φόβον τε τοὺς ὁμοίους αὐτοῖς ἐνάγκωσιν ὡς κολασθησομένους ἐφ' οἷς ἂν ἀδικήσωσι, καὶ τρίτον ὅτι αὐτοῖς ἐκεῖνοις ἄμεινόν ἐστι τεθῆναι διεφθαρμένοις οὕτω τὴν ψυχὴν [ὡς ἀνιάτων ἔχειν τὴν κακίαν], ὡς μὴδὲ ὑπὸ τῶν Μουσῶν αὐτῶν παιδεύεσθαι, μὴ τί γι' ὑπὸ Σωκράτους ἢ καὶ Πυθαγόρου βελτιοῦσθαι δύνασθαι. Θαυμάζω δι' ἐν τῷδε τῶν Στωϊκῶν ἅπαντας μὲν ἀνθρώπους εἰς ἀρετῆς κτήσιν ἐπιπείθειας ἔχειν οἰομένων, διαστρέφεσθαι <δι> ὑπὸ τῶν συζώντων. Ἴνα γὰρ ἑάσω τᾶλλα πάντα τὰ καταβάλλοντα τὸν λόγον αὐτῶν, ἐν [δὲ] μόνον ἐρωτήσω περὶ τῶν πρώτων γενομένων ἀνθρώπων, οἱ μὴδὲνα πρὸ ἑαυτῶν ἔσχον ἕτερον ἢ διαστροφή πόθεν ἢ ὑπὸ τίνων αὐτοῖς ἐγένετο; Οὐχ ἕξουσι λέγειν, ὥσπερ γε κὰν τῷ νῦν χρόνῳ μικρὰ

ность выбирать, находить и любить благо, а также уклоняться от зла, ненавидеть и избегать его, нисколько не рассматривая ни то, было ли зло создано или нет, ни то, происходит ли зло от добра или зло есть отсутствие добра. Мы убиваем скорпионов, ядовитых пауков и змей только потому, что они созданы такими по природе, а не появились сами собой.

Призывая несотворенного, первого и великого Бога, Платон именует его Благом, и мы всей своей природой обращены к Нему и любим Его – Бога, существующего в вечности. Не такого Бога, который был создан, а нетварного и вечного. По этой причине мы ненавидим порочных людей, но хотим заранее знать причину, которая сделала их таковыми. С другой стороны, мы видим и любим добродетельных людей, ставших таковыми или по своей природе, или благодаря воспитанию, обучению, или же благодаря собственному выбору. Мы лишаем жизни неисправимых и порочных людей по трем вполне справедливым причинам. Первая – чтобы они не смогли более повредить нам в земной жизни; вторая – чтобы их казнь ужаснула похожих на них, тем самым они будут знать, что их ждет, если они совершили преступление. Третья причина – казнь лучший выход для них, так как их развращенная душа не может быть исправлена или улучшена ни музами, ни Сократом, ни Пифагором.

Я удивляюсь в этом смысле стоикам, считающим, что все люди способны приобретать превосходные качества, конечно, кроме тех, кто живет порочно. Оставляя в покое все другие доводы, которые разрушают их доказательства, я их только спрошу: откуда появилось зло в первых людях, у которых не было пред-

παῖδια θεώμενοι πονηρότατα, τίς ἐδίδαξεν αὐτὰ τὴν πονηρίαν, ἀδυνατοῖεν <ἀν> λέγειν, καὶ μάλιστα ὅταν ἡ πολλὰ ἅμα μὲν τρεφόμενα τὴν αὐτὴν τροφήν ὑπὸ τοῖς αὐτοῖς γονεῦσιν ἢ διδασκάλοις ἢ παιδαγωγοῖς, ἐναντιώτατα δὲ τὰς φύσεσιν. Τί γάρ <ἀν> ἐναντιώτερον εἶη τοῦ κοινωνικοῦ παιδίου τῷ φθονερῷ, καθάπερ καὶ τοῦ ἐλεήμονος τῷ ἐπιχαρεκάκῳ, τοῦ δὲ δειλοῦ [πρὸς ἅπαντα] τῷ θαρσαλέῳ καὶ τοῦ μωροτάτου τῷ συνετωτάτῳ καὶ τοῦ φιλαλήθους τῷ φιλοψευδεῖ. Καὶ φαίνεται γὰρ τὰ παῖδια, κἂν ὑπὸ τοῖς αὐτοῖς γονεῦσι καὶ διδασκάλοις καὶ παιδαγωγοῖς τρέφηται, κατὰ τὰς εἰρημίνας ἐναντιώσεις ἀλλήλων διαφέροντα. Παραφυλάττειν οὖν δεῖ [εἰπεῖν] τὰ τοιαῦτα κατὰ τῶν νῦν φιλοσόφων ἄμεινον δι' ἐστὶν ἴσως εἰπεῖν οὐ φιλοσόφων ἀλλ' ἐπαγγελλομένων φιλοσοφεῖν ὡς, εἴ γι' ὄντως ἐφιλοσόφουν, ἐφυλάττων <ἀν> αὐτὸ τοῦτο πρῶτον, <τὸ> ἀπὸ τῶν ἐναργῶς φαινομένων τὰς ἀρχὰς τῶν ἀποδείξεων ποιεῖσθαι. Καὶ τοῦτ' εἰοικασί μάλιστα πάντων οἱ παλαιότατοι πρῶταί τε καὶ κληθῆναι σοφοὶ παρὰ τοῖς ἀνθρώποις οὔτε συγγράμματα γράφοντες οὔτε διαλεκτικὴν ἢ φυσικὴν ἐπιδεικνύμενοι θεωρίαν ἀλλ' ἐξ αὐτῶν μὲν τῶν <ἐναργῶς φαινομένων τῆς θεωρίας ἀρξάμενοι τῶν> ἀρετῶν, ἀσκήσαντες δι' αὐτὰς ἔργοις, οὐ λόγοις. Οὗτοι γοῦν οἱ φιλόσοφοι βλέποντες εὐθὺς ἐξ ἀρχῆς τὰ παῖδια, κἂν ἄριστα παιδεύηται καὶ μηδὲν ἔχη θεάσασθαι παράδειγμα κακίας, ὁμῶς ἀμαρτάνοντα [τινὲς μὲν αὐτῶν φύσει κακοὺς ἅπαντας ἀνθρώπους ἀπεφάναντο, τινὲς δι' ὀλίγου δεῖν ἅπαντας] — σπάνιον γάρ ὄντως ἔστι θεᾶσθαι παῖδιον ἄμειπτον — οἱ μὲν οὐδενὸς ὄντος τοιοῦτου πάντας ἀνθρώπους ἀπεφάναντο

шественников? Но они не могут ответить, откуда появилось зло в людях. Также в настоящее время мы видим маленьких детей, которые очень злы, и невозможно сказать, кто привил им эту злобу. Многие дети, собранные вместе и получившие воспитание у одних и тех же родителей, наставников и учителей, имеют совершенно разную природу. Не противоречат ли друг другу недоброжелательность и сострадательность, застенчивость и смелость в поступках, глупость и разум, ложь и любовь к истине? Между тем мы видим, что дети, выросшие у одних и тех же родителей, воспитанные одними и теми же наставниками и учителями, тем не менее, отличаются друг от друга противоположными качествами, которые я перечислил. Давайте досконально разберемся, как надо назвать подобные высказывания современных философов? Не лучше ли было бы не называть их вообще философами, коими они не являются, а только кичаться, что философствуют. Если бы они на самом деле философствовали, то исходили бы из правила, что видимые явления можно понять только на основе дедуктивного доказательства. Но в основном это относится к более древним философам, которые использовали это правило на практике. Они были названы мудрецами не потому, что писали книги или обучали диалектике и физике, а потому, что благодаря теории они исследовали [природные] явления, а также совершенствовались в добродетелях не на словах, а на деле.

Посмотрим на детей, которые, несмотря на прекрасное образование, полученное ими, отсутствие дурных примеров перед глазами, с ранних лет были порочными. На это одни философы говорят, что все люди дурны по своей при-

φύσει κακοὺς ὑπάρχειν, οἱ δὲ ἓνα ἢ δύο
 που κατὰ <τὸ> σπάνιον ἰδόντες οὐ
 πάντας ἀλλὰ τοὺς πλείστους ἔφασαν
 εἶναι κακοὺς. Εἰ γάρ τις, οὐκ <ᾧν>
 ἐπιτίπτων τε καὶ φιλονεικῶν, ἐβηλήσειεν
 [ἄν] ἔλευθερία γνώμη καθάπερ οἱ παλαιοὶ
 φιλόσοφοι τὰ πράγματα θεάσασθαι,
 παντάπασιν ὀλίγους παῖδας εὐρήσει πρὸς
 ἀρετὴν εὐ πεφυκότας καὶ παύσεται
 πάντας μὲν ἡμᾶς ἡγούμενος εὖ
 πεφυκένα, διαστρέφεται δὲ ὑπὸ τῶν
 [ἔξεπιτιμώντων] γονέων τε καὶ
 παιδαγωγῶν καὶ διδασκάλων· οὐ γὰρ δὴ
 ἄλλοις γέ τισιν ἐντυγχάνει τὰ παῖδια.
 Πάνυ δὲ εὐήθεις εἰσὶ καὶ οἱ
 διαστρέφεται λέγοντες ἡμᾶς ὑπὸ τε τῆς
 ἡδονῆς καὶ τοῦ ἄλλου, τῆς μὲν ἐλκούσης
 <πρὸς ἑαυτήν>, τοῦ δὲ ἀποτρεπτικοῦ τε
 καὶ τραχέος ὄντος. Εἰ μὲν γὰρ πάντες
 ὀφειώμεθα πρὸς τὴν ἡδονήν, οὐκ οὐσαν
 ἀγαθὸν ἄλλῃ, ὡς ὁ Πλάτων ἔφη, δέλεαρ
 μέγιστον κακοῦ, φύσει κακοὶ πάντες
 ἐσμέν, εἰ δὲ οὐ πάντες ἀλλὰ τινας, ἐκεῖνοι
 μόνοι φύσει μοχθηροὶ τυγχάνουσιν ὄντες.
 Καίτοι γὰρ εἰ μὲν μηδεμίαν ἔχομεν ἑτέραν
 ἐν ἡμῖν δύναμιν ὀφειωμένην μᾶλλον
 ἡδονῆς, <ἰσχυροτέρα πως ἔσται> ἡδονῆ
 τῆς ἀρετῆς, ἥτις κρείττων τῆς πρὸς τὴν
 ἡδονὴν ἀγοῦσης ἡμᾶς ἐστὶ δυνάμειος κἄν
 οὕτως εἴημεν ἅπαντες κακοὶ τὴν μὲν
 κρείττονα δύναμιν ἀσθενεστέραν,
 ἰσχυροτέραν δὲ τὴν μοχθηρὰν ἔχοντες· εἰ
 δὲ ἡ κρείττων ἐστὶν ἰσχυροτέρα, τίς τοὺς
 πρώτους ἀνθρώπους ἀνέπεισεν ὑπὸ τῆς
 ἀσθενεστέρας νικηθῆναι; Ταῦτ' οὖν αὐτὰ
 τῶν Στωϊκῶν ἐμέμματο καὶ οἱ πάντων
 ἐπιστημονικώτατος Ποσειδώνιος, <ὃς>
 ἐν οἷς ἐπαίων ἐστὶ μέγιστων ἄξιος, ἐν
 τούτοις αὐτοῖς [μὲν] ὑπὸ τῶν ἄλλων οὐκ
 ἐπαινῆται Στωϊκῶν· ἐκεῖνοι μὲν γὰρ
 ἔπεισαν ἑαυτοὺς τὴν πατρίδα μᾶλλον ἢ
 δόγματα προδοῦναι, Ποσειδώνιος δὲ τὴν
 τῶν Στωϊκῶν ἀρεσιν μᾶλλον ἢ τὴν

роде, другие – что почти все, третьи ут-
 верждают, что все люди обладают хоро-
 шей природой. Существуют, конечно,
 дети, свободные от всяких пороков, но
 они встречаются в исключительно ред-
 ких случаях. Поэтому первые философы,
 никогда не встречавшие безупречного
 ребенка, утверждают, что люди плохи по
 своей природе. Вторые, случайно встре-
 тив одного или двух детей без недостат-
 ков, заявили, что все люди дурны, кроме
 малого числа. Действительно, если чело-
 век, у которого нет пороков, любящий
 полемизировать, хочет, по примеру древ-
 них философов, видеть вещи свободным
 разумом, то он найдет только очень ма-
 ленькое количество детей, действительно
 способных к добродетели, но это отно-
 дит не означает, что мы развращены родите-
 лями, учителями и наставниками, ответ-
 ственными за наше воспитание, так как
 дети практически не общаются с други-
 ми людьми. В высшей степени наивны
 те, кто убеждает, что удовольствие или
 страдание не может сильно повлиять на
 нас. Привлекательность удовольствия
 велика и имеет большую силу в том,
 чтобы отклонить нас от блага. Мы обла-
 даем природной склонностью к по-
 лучению удовольствий, что само по себе
 не благо. Скорее [удовольствие] это то,
 что Платон называл «большой наживкой
 для порока». Исходя из этих слов, любые
 люди злы по своей природе. Если же счи-
 тать наоборот, то не все люди имеют злое
 естество, а только некоторые из них. Ес-
 ли бы в нас не было никакой другой спо-
 способности, превосходящей удовольствие,
 такой как добродетель, более сильной,
 чем естественная склонность к удоволь-
 ствию, то мы бы изначально обладали
 дурной природой и не имели своей луч-
 шей стороны, а опирались только на

ἀλήθειαν. Διὰ τοῦτο κατὰ τε τὴν περὶ τῶν παθῶν πραγματείαν ἐναντιώτατα φρονεῖ Χρυσίππῳ κἀν τοῖς περὶ τῆς διαφορᾶς τῶν ἀρετῶν, πολλὰ μὲν ὧν εἶπε Χρυσίππος ἐν τοῖς λογικῶς ζητουμένοις περὶ τῶν παθῶν τῆς ψυχῆς μεμνήμενος, ἔτι δὲ πλείω τῶν ἐν τοῖς περὶ τῆς διαφορᾶς τῶν ἀρετῶν. Οὐ τοίνυν οὐδὲ Ποσειδωνίῳ δοκεῖ τὴν κακίαν ἐξῶθεν ἐπεισέναι τοῖς ἀνθρώποις οὐδεμίαν ἔχουσαν ἰδίαν ρίζαν <ἐν> ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν, ὅθεν ὀρμωμένη βλαστάνει τε καὶ αὐξάνεται, ἀλλὰ αὐτὸ τούναντιον εἶναι. Καὶ γὰρ καὶ τῆς κακίας ἐν ἡμῖν αὐτοῖς σπέρμα· καὶ δεόμεθα πάντες οὐχ οὕτω τοῦ φεύγειν τοὺς πονηροὺς ὡς τοῦ διάκειν τοὺς καθαρίσοντάς τε καὶ κωλύσοντάς ἡμῶν τὴν αὐξήσιν τῆς κακίας. Οὐ γάρ, ὡς οἱ Στωϊκοὶ φασιν, ἐξῶθεν ἐπεισέρχεται ταῖς ψυχαῖς ἡμῶν τὸ σύμπαρ τῆς κακίας, ἀλλὰ τὸ πλεόν ἐξ ἑαυτῶν ἔχουσιν οἱ πονηροὶ τῶν ἀνθρώπων, ἐξῶθεν δι' ἑλαττον τούτων πολλῶ τὸ ἐπεισερχόμενον ἔστιν. Ἐκ τούτου μὲν οὖν ἐθισμοὶ τε γίνονται μοχθηροὶ τῷ τῆς ψυχῆς ἀλόγῳ μέρει καὶ δόξαι ψευδεῖς τῷ λογιστικῷ, καθάπερ ὅταν ὑπὸ καλοῖς καὶ ἀγαθοῖς ἀνδράσι παιδευόμεθα, δόξαι μὲν ἀληθεῖς, ἐθισμοὶ δὲ χρηστοί ... ταῖς κράσεσι δι' ἔπειτα κατὰ μὲν τὸ λογιστικὸν ἀγχινοία τε καὶ μωρία κατὰ τὸ μᾶλλον τε καὶ ἦττον· αἱ κράσεις δι' αὐτὰ τῆ τε πρώτῃ γενέσει καὶ ταῖς εὐχύμοις διαίταις ἀκολουθοῦσιν, ὥστε συναξάνειν ἄλλα ταῦτα. Διὰ γοῦν τὴν θερμὴν κράσιν <οἱ> ὀξυθυμιοὶ γινόμενοι ταῦταις πάλιν ταῖς ὀξυθυμίαις ἐκπυροῦσι τὴν ἔμφυτον θερμασίαν· ἔμπαλιν δι' οἱ σύμμετροι ταῖς κράσεσι συμμέτρος τὰς τῆς ψυχῆς κινήσεις ἔχοντες εἰς εὐθυμίαν ὠφελούνται. Ὡσθ' ὁ μὲν ἡμέτερος λόγος ὁμολογεῖ τοῖς ἐναργῶς φαινόμενοις ἐξηγουμένους τὰς

страсти. Не одержало ли бы тогда зло легкой победы над первыми людьми¹⁴?

Посидоний¹⁵ как наиболее искусный из стоиков не признавал подобные взгляды, что на самом деле заслуживает гораздо большей похвалы, так как он был порицаем стоиками, людьми, из-за упрямства готовыми скорее изменить своей родине, чем отказать от своих учений. Посидоний выбрал скорее истину, чем сектантские учения стоиков. Поэтому в своем исследовании «О страстях» он высказывает мнение, совершенно противоположное [мнению] Хрисиппа¹⁶. Посидоний опроверг большинство из сказанного Хрисиппом как в его сочинении «О логических исследованиях», так и особенно в книге «О различии добродетелей». При этом Посидоний не считает, что зло входит в людей извне и не имеет никакого корня в наших душах. Тогда откуда, по его мнению, мы видим, как зло пускает ростки [в душе] и растет, постепенно увеличиваясь? Он считает, что «семя зла» находится в нас самих. Кроме того, не все из нас избегают зла и ищут наставников, способных сделать нас добродетельными, остановив развитие зла. Зло не входит в нас снаружи, но, как утверждают стоики, порочные люди всецело принадлежат злу и только малая его часть может прийти извне (ἐξῶθεν). Следовательно, пороки рождаются в бессознательной части души, а заблуждения возникают в разуме. Точно так же это происходит и в том случае, если мы воспитаны людьми прекрасными, благородными и честными, наши мнения истинны, а нравы благотворны...¹⁷ Но в разумной части души ее сообразительность или глупость зависят от темперамента, который, в свою очередь, зависит того, что [человек] получает при рождении, а также

αἰτίας ὧν μὲν ὑπὸ οἴνου καὶ φαρμάκων
 τινῶν πάσχομεν, ὧν δὲ ὑπὸ διαίτης
 ἀγαθῆς καὶ κακῆς, ὥσπερ γε καὶ
 ὠφελούμεθα τε καὶ <βλάπτόμεθα> διὰ
 ἐπιτηδεύματων τε καὶ μαθημάτων, οὐχ
 ἤκιστα δὲ καὶ τῆς φυσικῆς διαφορᾶς τῶν
 παιδῶν ἀποδιδούσας τὴν αἰτίαν. Οἱ δὲ οὐκ
 ἐκ τῆς τοῦ σώματος κράσεως ἡγούμενοι
 τὴν ψυχὴν ὠφελείσθαι τε καὶ βλάπτεσθαι
 περὶ τε τῆς τῶν παιδῶν διαφορᾶς οὐδὲν
 ἔχουσι λέγειν ὧν τι ἐκ τῆς διαίτης
 ὠφελούμεθα, οὐδενὸς ἔχουσιν αἰτίαν
 ἀποδοῦναι, καθάπερ οὐδὲ τῆς ἐν τοῖς
 ἤθεσι διαφορᾶς, καθὼς ἴην τὰ μὲν θυμικά,
 τὰ δὲ ἄθυμα καὶ τὰ μὲν συνετά, τὰ δὲ οὐ
 φαίνεται. Ἐν Σκύθαις μὲν γὰρ εἷς ἀνὴρ
 ἐγένετο φιλόσοφος, Ἀθήνησι δὲ πολλοὶ
 τοιοῦτοι· πάλιν δὲ ἐν Ἀβδήροις ἀσύνετοι
 πολλοί, τοιοῦτοι δὲ Ἀθήνησιν ὀλίγοι.

от соответствующего правильного образа жизни. Эти два обстоятельства дополняют друг друга. Поэтому горячий темперамент приводит к вспыльчивости; с другой стороны, вспышки гнева, в свою очередь, воспаляют врожденную теплоту. Наоборот, обладающие уравновешенным темпераментом обладают и умеренными силами души и веселым настроением. Так что наше рассуждение согласуется с очевидными вещами, потому что объясняет причины, в соответствии с которыми мы используем все преимуществы вина и некоторые лекарства. Наше существование зависит от хорошего образа жизни, помогающего нам или, наоборот, от порочного уклада, наносящего нам вред, а также оно связано с навыками и науками. Не меньшее влияние оказывает разница в природных свойствах детей. Те же, кто считает, что телесный темперамент не управляет душой и не оказывает на нее положительного или отрицательного влияния, ничего не могут сказать по поводу отличия природных свойств у детей. Никким образом они не могут объяснить те преимущества, которые мы извлекаем из предписанного врачами образа жизни, и точно так же не могут объяснить разницу в душевных складах – почему одни смелы и мудры, а другие робки и не блещут умом. Почему во всей Скифии был только один философ, а в Афинах их было много. И опять же, почему в Абдерах¹⁸ множество безрассудных людей, а в Афинах таковых меньшинство?

¹ Древнегреческий текст приводится по изданию: *Quod animi mores corporis temperamenta sequantur.* I/ Ed. by J. Marquardt, I. – Leipzig: Teubner, 1891. – V. 2. – P. 32–79 (Cod: 8,840: Med.) (repr. Amsterdam: Hakkert, 1967). Перевод текста источника с древнегреческого осуществлен профессором кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, доктором философских наук А.П. Щелковым. Пред-

ставленный текст из-за различия синтаксисов древнегреческого и русского (а также английского, французского и немецкого) языков очень трудно совместить по предложениям. Поэтому мы использовали разбивку текста, сделанную французскими издателями XIX в. (См.: *Oeuvres médicales et philosophiques de Galien*. – Paris, 1854. – Т. 1). Такое разделение текста, как нам кажется, наилучшим образом приспособлено к публикации.

² Имеется в виду Малая Азия. Гален сам был родом из малоазийского (ионического) города Пергама.

³ То есть жители Малой Азии.

⁴ Государственное устройство.

⁵ *Hippocrates. De morbis popularibus* (= *Epidemiae*), ed. *Oeuvres complularibus* (= *Epidemiae*), ed. Baillis complularibus (= *Epidemiae*), ed. 3:1961; 5:1962): 2:598–716; 3:24–148; 5:72–138, 144–196, 204–258, 266–356, 364–468. Lib. 1. V. 2. – P. 598–716. На русском языке: *Гиппократ. Об эпидемиях II*, 5, 16 // Гиппократ. Сочинения / Пер. В.И. Руднева. – М., 1941–1944; Гиппократ. Избранные книги / Пер. В.И. Руднева. – М., 1936.

⁶ *Платон. Тимей 24с.* Перевод С.С. Аверинцева.

⁷ *Платон. Законы 747d.* Перевод С.С. Аверинцева.

⁸ *Платон. Законы 747d,e.* В нашем тексте Гален в конце данной фразы добавляет: «...Это то, о чем мы говорили». Перевод А.Н. Егунова.

⁹ Сиссития (συσσιτία; у Галена *ῥυσσιτία*, что скорее всего ошибка переписчика) – совместная трапеза для граждан полиса. Совместные пиры героев упоминаются Гомером. Плутарх так описывал это явление: «Каждый сотрапезник приносил ежемесячно медимн ячменной муки, восемь хоев вина, пять мин сыра, две с половиной мины смокв и, наконец, совсем незначительную сумму денег для покупки мяса и рыбы». (Ликург 12). Аристотель отмечал (*Политика*, II 6, 1271a 26–31), что этот взнос ложился тяжелым бременем на бедных спартанцев, но для богатых был несуществен. На острове Крит средства для устройства совместных трапез предоставляло государство. Участие в них было обязанностью всякого гражданина, и за уклонение от этого даже на царя могло быть наложено денежное взыскание.

¹⁰ *Платон. Законы 666 a,b,c.* Перевод А.Н. Егунова.

¹¹ *Платон. Законы 674 a,b.* Перевод А.Н. Егунова.

¹² *Платон. Законы 87b.* Здесь Гален достаточно вольно обходитесь с текстом Платона.

¹³ *Платон. Законы 87b.* Перевод С.С. Аверинцева.

¹⁴ Здесь у Галена с большой долей вероятности присутствуют мотивы Книги Бытия.

¹⁵ Посидоний (Ποσειδώνιος, 139/135 г. до н.э., Апамея (Сирия) – 51/50 г. до н.э., Рим, Родос?) – крупнейший философ-стоик, астроном, историк, географ. В молодости учился в Афинах у Понэтия (основатель учения Средней Стои), затем, перебравшись на Родос, основал там свою философскую школу. Был знаком с Цицероном и Помпеем. Как и впоследствии Гален, Посидоний достоверным считал знание, полученное аналитическим путем, а конечным критерием – «здравый», или «верный», логос, к нему он относил математические понятия и те умозрительные «общие представления», которые нельзя получить эмпирическим путем. В бессознательной способности души Посидоний выделил две разновидности: «пыльную» (θυμωδής) и «вожделенную» (ἐπιθυμητικόν). Низшая ступень (φύσις) обладает «вожделенной» способностью, существа, обладающие душой (ψυχή), пользуются еще и «пылкой» частью. Состоящее из этих двух способностей «бессознательное» начало, объединяясь с разумным (λογιστικῆ ψυχή), образует человеческую душу. Следовательно, человеческая душа состоит из трех частей: первая (низшая) постоянно стремится к наслаждению, вторая (средняя) – к власти, третья (высшая) – к достижению превосходных нравственных качеств. (См.: *Posidonius. The Fragments* / Ed. by L. Edelstein and I.G. Kidd, v. 1–2. – Leiden:

Cambridge, 1972–1988; – V.1–2; 2 ed. – Cambridge, 1989. См. также: *Reinhard K. Poseidonios*. – München, 1921). Что интересно, примерно такую же схему мы видели выше – в антропологических построениях Галена.

¹⁶ Хрисипп из Сол (вар. – Хризипп, др.-греч. Χρῖσιππος ὁ Σολεῖς; 281/278 до н.э., Солы (или Таре) в Киликии – 208/205 до н.э., Афины) – древнегреческий философ, представитель ранних стоиков.

¹⁷ Здесь отсутствует часть текста.

¹⁸ Абдеры – город во Фракии, расположенный на северо-востоке Греции, рядом с современным греческим городом Авдира. Абдеры считались глухоманью, а их жители – недалекими простаками. В результате слово «абдерцы» вошло в поговорку и стало именем нарицательным. Гиппократ приписывал умственную недалекость жителей этого города климатическим условиям. Метафора «абдерит» и в XX в. употреблялась для обозначения человека наивного, простоватого или совершенного тупицы, а также нелепого провинциала. Однако город Абдеры был родиной многих знаменитых эллинов – философов Демокрита, Протагора, Анаксарха, Левкиппа, а также историка Гекатея.

Дата поступления 31.10.2014

Первый Московский государственный
медицинский университет
им. И.М. Сеченова, г. Москва

shok@msm-medical.ru

Balalykin, D.A. An essential unity of the spiritual and the material in Galen's theoretical and practical system. Part II

By analyzing Galen's «*Quod animi mores corporis temperamenta sequantur*» we study his views on the nature of human soul and the relation of the spiritual and the physical in a human body. The Roman physician thinks over a practical importance of one or another soul property for physical health. When reasoning, Galen rejects the opinion that an eternal soul stays in an inconstant body accidentally, for it results in separation of spiritual and material essences which is inadmissible. He bases his analysis on the principles of the rational knowledge and intentionally limits his statements only to empirically proven facts. This work by Galen helps to grasp his theoretical and practical system.

Keywords: history of science; history of medicine; ancient natural science; the spiritual and the physical; substantial unity; Galen